

Александр Плеханов

Из
Госархивов

КТО ВЫ,
«ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС»?

Секретные миссии (Аква-Терм)

Александр Плеханов

Кто Вы, «Железный Феликс»?

Издательский Центр «Аква-Терм»

2014

Плеханов А. М.

Кто Вы, «Железный Феликс»? / А. М. Плеханов — Издательский Центр «Аква-Терм», 2014 — (Секретные миссии (Аква-Терм))

Оценки личности и деятельности Феликса Дзержинского до сих пор вызывают много споров: от «рыцаря революции», «солдата великих боёв», «борца за народное дело» до «апостола террора», «кровавого льва революции», «палача и душителя свободы». Он был одним из ярких представителей плеяды пламенных революционеров, «ленинской гвардии» – жесткий, принципиальный, бескомпромиссный и беспощадный к врагам социалистической революции. Как случилось, что Дзержинский, занимавший ключевые посты в правительстве Советской России, не имел даже аттестата об образовании? Как относился Железный Феликс к женщинам? Почему ревнитель революционной законности в дни «красного террора» единолично решал судьбы многих людей без суда и следствия, не испытывая при этом ни жалости, ни снисхождения к политическим противникам? Какова истинная причина скорострительной кончины Феликса Дзержинского? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в книге.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Глава 2	30
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Михайлович Кто вы, «Железный Феликс»?

Особая благодарность Л.Г. Плехановой.

А также всем тем, кто оказал поддержку своими советами при подготовке данной книги: М.В. Алексееву, Н.Н. Берсеневу, Н.Н. Булатову, А.П. Горячевскому, А.А. Здановичу, Ю.А. Неицумову, И.П. Полежаеву, М.З. Сапожникову.

Предисловие

Уважаемый читатель! В Ваших руках второе издание книги о председателе ВЧК-ОГПУ Феликсе Эдмундовиче Дзержинском (1877-1926), имя которого хорошо известно не только у нас, в России, но и за рубежом. Оценки его личности и деятельности, как правило, диаметрально противоположны: от «рыцаря революции» и «борца за народное дело» до «верховного жреца террора», «апостола террора», «палача и душителя свободы», «кровавого льва революции». С одной стороны, в советское время историки и журналисты возвеличивали этого человека и с этой целью извращали или умалчивали исторические факты, создавая образ некоего небожителя, пришедшего на землю, чтобы осчастливить людей. Таким образом, достоянием общественности становились «научные» биографии, ничего общего не имевшие с наукой. С другой стороны, на смену былой апологетике и иконизации пришла другая крайность – де героизация и обличение. Под видом установления истины на самом деле во благо изменившейся политической конъюнктуры появились новые версии, имеющие мало общего с событиями прошлого. Однако крайние точки зрения далеки от исторической правды – политические эмоции часто заслоняют объективные оценки.

Следует отказаться от легенд и стать на научную точку зрения, суть которой заключается в рассмотрении роли личности в конкретной исторической обстановке. Нельзя при изучении недавней истории России объяснять события прошлых лет по законам и нравственным нормам сегодняшнего дня+. Пора уже подняться над тем временем и всем признать, что Гражданская война была величайшей трагедией в истории России. Это наши соотечественники истребляли друг друга: одни за «великую и неделимую Россию», другие «за счастливое будущее». В смертельной схватке сошлись не какие-то уголовники, а люди, убежденные в своей правоте и готовые за это отдать жизнь.

Именно таким и был Феликс Дзержинский. Повышенный интерес к его личности объясняется несколькими причинами. Во-первых, это человек иного, более значительного масштаба по сравнению со многими другими руководителями органов безопасности; во-вторых, в сознании большинства людей его имя связано с борьбой со взяточниками, расхитителями, коррупционерами, с разного рода политическими авантюристами, в-третьих, его личность показывает пример того, каким должен быть политический деятель, посвятивший свою жизнь созданию справедливого общества.

В исторической литературе сложилось целое направление по изучению теоретического наследия и практической деятельности Ф.Э. Дзержинского не только на посту председателя ВЧК, ГПУ и ОГПУ¹, – в различные годы он одновременно занимал несколько важнейших государственных и партийных постов: наркома внутренних дел, наркома путей сообщения,

¹ Полный список сокращений, встречающихся в тексте, приведен в конце книги.

председателя ВСНХ СССР, члена ЦК партии, члена Оргбюро, кандидата в члены Политбюро ЦК, РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б).

Работы многих историков отражают процессы, происходившие в новом государстве в 1917-1926 гг., прежде всего, поиск действенных форм и методов борьбы с противниками советской власти и правящей коммунистической партии. Автор сделал достоянием научной общности тысячи документов, помогающих оценить деятельность ведомства безопасности. Впервые был опубликован дневник Ф.Э.Дзержинского, который он вел находясь в застенках царской охранки, а также письма к родным; вышли три издания его избранных произведений, научная биография. Большой фактический материал о председателе ВЧК-ОГПУ содержится в книгах советских историков. Написаны десятки книг, тысячи статей, и все же до настоящего времени нет ни одного всестороннего исследования деятельности Дзержинского на посту председателя ВЧК-ОГПУ. К сожалению, у многих наших журналистов и публицистов зачастую отсутствует диалектический подход к историческим фактам, стремление приблизиться к объективной оценке событий прошлого. Особенно характерным является утверждение, что советские спецслужбы были только карательными органами. При этом, как правило, забывается что (как бы ни называлась советская спецслужба – от ВЧК до КГБ) эта организация защищала безопасность государства, общества и граждан, то есть была ведомством, которое успешно противостояло реальным противникам: шпионам, диверсантам, террористам, контрабандистам, бандитам и др.

Детальное изучение деятельности Дзержинского на посту председателя ВЧК-ОГПУ важно и в силу той роли, которую этот человек сыграл в истории нашей страны в годы Гражданской войны и в период новой экономической политики, безусловно, в силу характера той власти, которая утвердилась в России на многие десятилетия.

После Октябрьской революции партия большевиков создала Всероссийскую чрезвычайную комиссию при Совете народных комиссаров как государственный институт, «боевой отряд партии», то есть как партийно-государственную спецслужбу, имевшую четкую идеологическую установку на решительную борьбу не только с политическими противниками, но и просто со сторонниками иных, чем у большевиков, взглядов как внутри страны, так и за рубежом. Органы ВЧК-ОГПУ главным в своей деятельности считали проведение в жизнь политики правящей партии. Исходя из поставленных им задач, определялись правовое положение органов безопасности, структура, подбор, расстановка, обучение и воспитание кадров, основные направления деятельности и др. Как отмечалось в феврале 1919 г. в обращении ЦК РКП(б) к коммунистам-работникам чрезвычайных комиссий, «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем». Этот принцип был закреплен в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 15 февраля 1922 г. И Дзержинский постоянно подчеркивал, что основные усилия органов безопасности должны быть направлены на проведение в жизнь партийных решений. Он писал, что органы ВЧК «никогда еще не нарушали партийных директив и линии, а всегда были и есть слуга партии и борец партии»¹; более того, «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции»². И это утверждалось в условиях перерастания декларировавшейся «диктатуры пролетариата» в диктатуру партии над пролетариатом, которая в условиях Гражданской войны претерпела серьезные изменения, трансформировавшись из общественной организации в мощный бюрократический аппарат, став милитаризованной и в высшей степени централизованной структурой. Поэтому органы безопасности заняли особое место в советской политической системе, став важнейшим инструментом большевистской власти. Созданные 7(20) декабря 1917 г. как временные и чрезвычайные, они превратились в постоянные с чрезвычайными полномочиями не только в годы Гражданской войны, но и в период новой экономической политики.

На ВЧК, ГПУ, ОГПУ возлагался широкий круг задач по укреплению суверенитета и территориальной целостности государства: своевременное информирование высших и местных партийных и советских органов о международном и внутреннем положении страны, политический розыск, борьба со спецслужбами противника и антисоветскими эмигрантскими центрами; ведение разведывательной работы за рубежом, защита оборонного потенциала и экономики, государственных секретов и тайн, участие в подавлении повстанческого движения, мятежей и бандитизма, выполнении чекистами особых поручений советской власти: борьба с голодом и детской беспризорностью, решение многих социальных проблем. Именно в эти годы органы ВЧК-ОГПУ приобрели значительный опыт в борьбе с коррумпированными элементами, организованной преступностью в экономике, с незаконными вооруженными формированиями и др. И все же основной задачей органов ВЧК-ОГПУ было сохранение власти правящей коммунистической партии. Чем труднее было положение в стране, тем активнее политическая элита использовала ведомство безопасности в своих целях.

Ф.Э. Дзержинский возглавил ВЧК по предложению В.И. Ленина. Под руководством Феликса Эдмундовича были определены правовое положение, место и роль ВЧК, ГПУ и ОГПУ в советской политической системе, основные направления их деятельности, порядок комплектования кадрами, сложилась единая система обучения и воспитания сотрудников.

Все изменения структуры ВЧК-ОГПУ, расширение и сужение прав происходили под непосредственным руководством Дзержинского. ВЧК начинала свою деятельность с небольшого по численности аппарата. После образования СССР (30 декабря 1922 г.) ОГПУ стало же спецслужбой, объединенной в масштабе всей страны, органом борьбы с зарубежными разведками и эмигрантскими антисоветскими центрами, контрреволюцией и оппозицией политике правящей коммунистической партии и в некоторых отношениях было приравнено к военному ведомству. В составе органов безопасности постепенно оказались крупные подразделения внутренних и пограничных войск.

Вместе с тем именно при Дзержинском были заложены многие отрицательные явления, вполне понятные в годы Гражданской войны, но дополчившие негативное развитие в 1930-1950-х гг., когда органы безопасности все больше превращались в орудие борьбы со своим народом, активно использовались в борьбе с революционно-демократическими партиями, даже стоявшими на платформе признания советской власти, со всеми инакомыслящими и с оппозицией внутри самой компартии. Это было время, когда они стали ведомством тотального контроля в политике, идеологии, экономике, Красной Армии, государственном аппарате и общественных организациях.

Дзержинский был беспощаден к политическим противникам, не испытывал к ним ни жалости, ни снисхождения. Он лично занимался арестами и допросами, без суда и следствия решал судьбу людей, как это было в дни «красного террора». С одной стороны, он утверждал социалистическую (революционную) законность... с внесудебными полномочиями(!), с другой стороны – при необходимости руководствовался принципом «политической целесообразности».

Председатель ВЧК-ОГПУ целиком разделял политику высылки за границу и в отдаленные места страны не только деятелей оппозиционных политических партий, но и научно-технических специалистов, литераторов, писателей, поэтов, философов, историков и других представителей интеллектуальной элиты России. По поручению Политбюро ЦК РКП (б) он занимался ликвидацией меньшевистской, эсеровской и других политических партий социалистического направления, лично участвовал в определении меры наказания и режима содержания арестованных. То, что к 1925 г. на территории СССР не осталось ни одной политической партии, кроме большевистской, – результат деятельности и Дзержинского. Любые идейно-теоретические споры о путях социалистического строительства, всякое «особое мнение» в партии рассматривались им как враждебные выступления и прямая контрреволюция. Он активно

помогал В.И. Ленину и И. В. Сталину во внутривнутрипартийной борьбе и в расправе со своими политическими оппонентами.

Форсированное строительство социалистической экономики все больше требовало умелого использования труда буржуазных специалистов. Многие распоряжения председателя ОГПУ и ВСНХ свидетельствуют о необходимости согласованной работы чекистов с хозяйственниками и внимательном отношении к инженерно-техническому персоналу. Но с каждым годом все больше возрастает роль органов госбезопасности в качестве важнейшего инструмента хозяйственного строительства. Они осуществляют контроль и проверку исполнения решений высших советских и партийных органов.

Как правило, председатель ОГПУ нелегко соглашался на сужение функций и прав, а также сокращение сметы своего ведомства и по другим вопросам. Часто его оппонентами были М. И. Калинин, Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников, Н. В. Крыленко, Н. В. Чичерин, Л.Д.Троцкий и др.

И все же многие рекомендации Дзержинского по карательной политике Советского государства заслуживают самого внимательного отношения к ним и сегодня: это и его призыв к сотрудникам соблюдать «величайшую осторожность в арестах и величайшую внимательность при ведении самого дела», требования большей гласности при рассмотрении дел, «не втихомолку вести дело», «убить систему, безответственность и беспечность руководителей», предложение применять решительные меры в отношении лиц, совершавших ложные доносы, ведение широкой профилактической работы с теми гражданами, которые совершали проступки без враждебного умысла.

Дзержинский постоянно подчеркивал необходимость улучшения форм и методов работы органов ВЧК-ОГПУ с учетом конкретных исторических условий. Под его руководством активно велась работа по совершенствованию права, укреплению законности, наметилась тенденция к сокращению и смягчению насильственных мер. Регламентирование деятельности всего госаппарата, перенесение центра тяжести в решении вопросов по охране интересов государства и прав граждан на судебные органы давало возможность защитить население от различных злоупотреблений нарождавшейся нэпмановской буржуазии, а предпринимателей – от произвола чиновников.

Стремление опереться на помощь населения, прежде всего на коммунистов, а также других, лояльно настроенных к новой власти граждан, было весьма характерным методом работы Дзержинского. По его рекомендациям применялись самые разнообразные формы связи с населением: обращения, выступления чекистов с отчетами и докладами, проведение беспартийных конференций, шефство, публикации в газетах и журналах о деятельности органов ВЧК-ОГПУ, коммунистическое осведомление, создание групп и бригад содействия, «чекизация» трудовых коллективов. Но масштабы этой работы зачастую превышали потребности спецслужб и зачастую вели к созданию нездоровой обстановки среди сотрудников учреждений, рабочих фабрик и заводов, красноармейцев и командиров.

Актуально звучат рекомендации Дзержинского по совершенствованию аппарата органов безопасности и экономии средств на его содержание. По его мнению, бюджет ВЧК-ОГПУ – это большое «бремя для государства», так как оно «потребляющее, но не производящее ведомство» и должно «жить за счет труда других», «каленным железом выжигать» преступные элементы³.

Интересен взгляд председателя ВЧК-ОГПУ на историю органов безопасности. На многих его документах стоят резолюции: «архив», «в архив», что стало хорошей гарантией сохранности очень важных материалов до сегодняшнего дня. К середине 1920-х гг. постепенно сложилась негласная традиция почти ничего не писать о ВЧК-ОГПУ. В известном обращении Дзержинского к ветеранам-чекистам от 13 марта 1925 г., опубликованном во вступлении к книге «Особое задание», он подчеркнул важность изучения истории ВЧК-ОГПУ, и призвал всех

бывших сотрудников органов безопасности написать воспоминания, которые в последующем будут востребованы историками. Из этого документа не был опубликован последний абзац, который имеет большое значение для понимания последующих событий: «Все составленные таким образом материалы считаются совершенно секретными, пишутся от руки, на машинках не перепечатываются и в подлинниках (не оставляя у себя копии) направляются через Фельдгерский корпус лично в адрес зам. пред. ОГПУ Г.Г. Ягоды»⁴.

«Совершенно секретные» материалы, разумеется, не могли стать достоянием историков ни в 30-е, ни в 40-е, ни в последующие доперестроечные годы XX века.

В июне 1926 г. заведующий отделом истории партии ЦК ВКП(б) С. Канатчиков обратился к Дзержинскому с просьбой оказать содействие в подготовке к десятилетию Октябрьской революции материала о деятельности органов ВЧК-ОГПУ объемом 50 печатных листов. Председатель ОГПУ выразил свое отношение к предложению Канатчикова в записке Г. Ягоде 18 июня 1926 г.: «Думаю, что это предложение не следует принять. Историю ВЧК-ГПУ можно будет писать лишь после того, как исчезнет нужда в нем»⁵. Но необходимость в органах безопасности существует и сегодня, а значит, исходя из элементарной логики, мы, историки, не имеем права писать о недавнем прошлом. Но пришли иные времена, и наша обязанность рассказать о том, каким был руководитель органов ВЧК, ГПУ и ОГПУ.

Данная книга – наиболее полное освещение личности председателя ведомства безопасности. Введение в научный оборот сотен новых документов позволило не только показать его служебную деятельность, но и нравственные качества, взгляды на различные проблемы в годы Гражданской войны и новой экономической политики. Он был человеком своего времени, революционным романтиком, фанатично преданным коммунистической идее, верившим в возможность построения в Советском Союзе самого справедливого общества. За эту идею боролся до конца своих дней.

Книга о Дзержинском написана на основе исторических исследований и документов 32 государственных архивов и архивов социально-политической истории и управлений ФСБ России: документов и материалов парткомов РКП(б) - ВКП(б), органов государственной власти и управления, высших судебных органов, коллегии ВЧК-ОГПУ и др. Последние содержат сведения о событиях, с которыми Дзержинский был ознакомлен, принимал участие в их обсуждении, а также давал по ним свои заключения.

Читатель обратит внимание на повторение в ряде случаев некоторых документов в различных главах книги. Это объясняется важностью каждого из них и желанием автора наиболее полно раскрыть ту или иную проблему. Отношение авторов к различным публикациям по исследуемой теме лишь в определении научной достоверности.

После выхода в свет первого издания монографии прошло шесть лет. Она получила положительную оценку читателей. За эти годы изучен дополнительный материал ряда архивов, что дает возможность дополнить каждую главу. Но автор решил поступит иначе: оставить текст без изменения и издать новые книги и сборники документов, которые дают возможность более детально ознакомиться с теоретическим наследием и практическими рекомендациями первого чекиста России. С 2010 г. в соавторстве с сыном – кандидатом исторических наук А.А. Плехановым подготовлены и стали достоянием научной общественности: «Я Вас люблю...». Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николевой. М., 2007; Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. М., 2007; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. Документы. М., 2007; Ф. Дзержинский. Белые пятна в биографии чекиста (Военная деятельность Ф.Э. Дзержинского). М., 2010; «Феликс Дзержинский. Альбом. М., 2007 и др.

Данная монография вышла в свет при всесторонней поддержке А.А. Плеханова, который принял активное участие в написании ряда глав, составлении именного указателя и подборе фотографий.

Автор выражает признательность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности России и других архивов за всестороннюю помощь, оказанную при подготовке книги.

Полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор А. М. Плеханов.

Предисловие:

1. Сб. статей Главного и Политического управлений пограничных войск КГБ СССР. 1986. № 6. С.54.

2. О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1997. С.94.

3. Центральный архив Федеральной Службы безопасности России. (ЦАФСБ России). Фонд 2.Опись 1. Дело 138. Лист 176 об.

4. Там же. Оп.3. Д.26.Л.21.

5. Там же. Д.144. Л.80.

Глава 1

Образование ВЧК

Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого
Заповедь историка

Активную политическую жизнь Феликс Дзержинский начал в 1895 г. в возрасте 18 лет, скончался в 1926 г., прожив таким образом почти 31 год жизнью профессионального революционера и треть из них – являлся государственным деятелем. Что это было за время в истории России? Три революции, Первая мировая и Гражданская войны. Социальные потрясения, смерти и страдания десятков миллионов людей, борьба за «светлое будущее без эксплуатации и угнетений» и за «единую и неделимую Россию», время рождения и ухода с исторической арены политических партий и общественных движений, народных вождей и разного толка авантюристов.

За более чем 1000-летнюю историю России эти годы можно сравнить лишь со Смутой начала XVII в. Тогда речь шла также о спасении российского государства в борьбе с интервентами, необходимости сплочения народа, преодоления его раскола. Но выход из этого положения искали не столько путем диалога, сколько о физическом уничтожении своего противника.

Именно в подобных исторических условиях формировалось мировоззрение будущего председателя ВЧК-ОГПУ. В начале XX в. на первое место вышли проблемы, решить которые без применения насилия, карательной политики государства (России императорской, России советской), ведения ожесточенной классовой борьбы, казалось невозможным.

Немецкий философ Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» признавал карательную деятельность государства как выражение силы и разума¹. Однако в годы Гражданской войны и последующие за ней годы в России все же мало полагались на разум в политике. Миллионы граждан в полной мере впитали в себя военную психологию – убеждение в необходимости решать все острые вопросы жизни силой оружия. Конечно, в идеале государство должно обеспечивать защиту интересов всех законопослушных граждан, всех социальных слоев или подавляющего большинства населения. Большевики декларировали это важнейшее положение, утверждая, что все репрессивные меры направлены против эксплуататорского меньшинства или его агентуры, и они вынуждены широко использовать меры принуждения в отношении своих политических противников, ограничивать их в правах, применять другие, в том числе и насильственные меры вплоть до физического уничтожения. Сам факт использования крайних возможностей государственной машины уже оказывал серьезное эмоциональное воздействие на каждого человека и заставлял его изменять свое поведение: приспосабливаться к власти или, в крайнем случае, бороться до конца, в том числе и с оружием в руках. Еще В.О. Ключевский писал: «Что личность и общество – две силы, не только взаимодействующие, но борющиеся друг с другом, это хорошо известно; известно также, что движение человеческой жизни становится возможным благодаря только взаимным уступкам, какие делают эти силы»². Но дело в том, что представители противоборствующих сторон не были настроены на то, чтобы идти на какие-либо компромиссы. Для достижения своих целей они были готовы идти до конца.

Русская мысль не только предвидела, что в XX в. появится новый общественный строй – социализм, но и сумела с поражающей точностью показать его реальную суть и характер. Лучшее всего это выразил один из наиболее глубоких мыслителей XIX в. Константин Леонтьев: «Я того мнения, что социализм в XX и XXI веках начнет на почве государственно-экономической играть ту роль, которую играло христианство на почве религиозно-государственной. Теперь социализм еще находится в периоде мучеников и первых общин, там и сям разбро-

санных...то, что теперь – это крайняя революция, станет тогда охранением, орудием строго принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством...социализм есть феодализм будущего», который будет идти «попеременным путем – и крови, и мирных реформ...»³. Вглядываясь в будущее, Леонтьев утверждал в 1880 г., что «тот, слишком подвижный строй», к которому привел «эгалитарный и эмансипационный (т. е. уравнивающий и освобождающий!– *Авт.*) прогресс XIX века...должен привести или к всеобщей катастрофе» или же к обществу, основанному «на совершенно новых и вовсе уже не либеральных», а, напротив, того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин-государству»⁴.

В 1917 г. народы России ждали от революции только позитивных изменений, и надо прямо сказать, что Россия в 1917 г., в точном смысле слова, выбрала (абсолютно свободно выбрала!) социализм: почти 85 процентов голосов на выборах в Учредительное собрание получили партии, выступавшие против частной собственности на основные «средства производства», прежде всего на землю, то есть социалистические партии. Но радикальные преобразования общества привели к крайней жестокости общественных отношений. Такое поведения политических противников имела глубокие корни. «Будущий историк, – писал известный правовед профессор В.М. Гессен, – если он захочет объективно разобраться в бесконечно сложных событиях пережитой нами эпохи, если он захочет понять ту непримиримую ненависть, то безумное ожесточение масс, на почве которых создалась анархия кровавого террора, – этот историк, разумеется, вспомнит, что то поколение, на дела которого выпала тяжелая историческая задача обновления государственного уклада России, является больным, политически и морально развращенным поколением, – поколением, которое не видело иного государственного порядка, кроме порядка чрезвычайных, исключительных по своей жестокости полицейских мер и лишь по книгам знает об общих законах Российской Империи...»⁵. Положение в революционной России подтвердило правильность слов К. Маркса о том, что «настанет русский 1793 год, господство террора этих полу азиатских крепостных будет невиданным в истории»⁶.

Логика классовой борьбы вела к тому, что жестокость одной стороны порождала жестокость другой и наоборот. Сегодня историки спорят о том, кто первым начал применять крайние меры насилия: белые или красные. Однако отметим, что спор ведется не столько о причине, сколько о следствии. Ведь нарастание классовой борьбы, противостояние сторон, которое вело к крайним формам борьбы, шло с конца XIX в. С одной стороны, народ, доведенный до отчаяния, от экономических стачек перешел к вооруженному восстанию, с другой – царское правительство вводило военное положение, военно-полевые суды, применяло массовые расстрелы, провоцировало черносотенные погромы и др. И не случайно летом 1906 г., когда в тумане моря одинокий парус уносил сорвавшегося с виселицы Б.В. Савинкова, в Гельсингфорсе с трибуны громко кипящего митинга раздавался клич Леонида Андреева: «Виселицу Николаю!»⁷.

В свое время Михаил Бакунин утверждал, что царская империя изжила себя, она стала всем ненавистна. Государство лишилось социальной опоры, достаточно толчка, и оно рухнет⁸.

А вот что писал Константин Бальмонт в 1907 г. в стихотворении «Наш царь»:

...Наш царь-убожество слепое
Тюрьма и кнут, под суд, расстрел
Царь-висельник, тем низкий вдвое
Что обещал, он дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой
Но будет, – час расплаты ждет

Кто начал царствовать Ходынкой.
Тот кончит – встав на эшафот.

В России только в 1909 г. в тюрьмах томилось 170 тыс. человек. В 1907 г. лишь в Варшаве было казнено 127, а в 1908 г. – 184 революционера. Варшавский генерал-губернатор Скалон подписал тысячу смертных приговоров.

После Октябрьской революции Россия могла избежать однопартийной диктатуры и миллионных жертв. Ставка на уничтожение советской власти западными идеологическими и разведывательными центрами способствовала выработке у части советских лидеров примитивных взглядов на события, как на результат «заговора» сил империализма и реакции. Будущее новой власти политическое руководство Советской республики связывало прежде всего с внешним фактором, считая, что победа ее будет прочной только тогда, когда дело социализма победит во всем мире, «потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»¹⁰. Следовательно, российская пролетарская революция рассматривалась большевиками как начало мировой революции, которая должна была разрешить трудности создания нового общества. Из анализа международного положения, серьезных социальных изменений в капиталистическом мире, революционной ситуации в ряде европейских государств политическое руководство страны сделало вывод о том, что весь мир стоит в преддверии всемирной революции, и вскоре советская система утвердится на всех континентах. Но чтобы приблизить наступление этого времени, один из лидеров большевиков Н.И. Бухарин еще в 1919 г. говорил не только о ведении оборонительных войн победившим пролетариатом, а и о наступательных войнах, дабы «добить отступающую буржуазию, чтобы поднять на восстание угнетенные еще народы, чтобы освободить и раскрепостить колонии, чтобы закрепить завоевания пролетариата»¹¹.

И не случайно летом 1920 г. II конгресс Коминтерна принял известный манифест, в котором было прямо указано, что «международный пролетариат не вложит меч в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира»¹². Но постепенно эта точка зрения претерпевает некоторые изменения, и уже в 1921 г. обстановка в мире оценивается вождем большевиков как «крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать – конечно, недолгое время – в капиталистическом окружении»¹³, и идея мирного сосуществования все более утверждается в сознании руководителей РКП(б) – ВКП(б), хотя еще не находит всестороннего обоснования.

Уровень отношений между государствами с различным общественным строем, оценки руководством страны результатов политического и идеологического характера преобразований в стране еще не побуждали советское правительство к конкретным шагам в области внешней политики. Главным препятствием мирному сосуществованию была атмосфера взаимного недоверия. Концепция, по которой основным стержнем мирового развития являлась борьба двух противоположных систем, непримиримость социализма и капитализма, легла в основу всей внешней политики СССР на десятилетия.

Антисоветчики рассчитывали на быстрый крах большевистской власти сначала на фронте военном, затем на фронте хозяйственном, делали ставку на мелкобуржуазную стихию и повстанческое движение, на внутреннюю оппозицию, в том числе и в самой компартии. А лидеры большевиков считали, что мировая революция позволит обеспечить безопасность советского общества. Поэтому в условиях противостояния принцип мирного сосуществования был сведен к стремлению оттянуть, как тогда казалось, неизбежную войну с капиталистическим миром.

Постепенно от штурмовых методов и надежды на скорую мировую революцию политическое руководство страны вынуждено было перейти к тактике осады и приступить к реализации концепции строительства социализма в одной стране. Действия политического руководства затрудняли возможность вхождения молодого государства в мировое сообщество.

Отвечая на вызов коммунистов, капиталистические государства стремились не только к укреплению «санитарного кордона», но и оказывали всемерную помощь эмигрантским центрам, внутренней контрреволюции и оппозиционным силам, готовили военную интервенцию. Поэтому оборонное мышление подменило и вобрало в себя идею развития самого государства. К тому же это не только зависело от политического положения страны и расстановки сил, но и было определено идеологизированным подходом руководителей страны ко всей внешней политике. Кроме того, нельзя не учитывать, что неизбежными последствиями Гражданской войны стали недоверие, неприязнь и враждебность к западным странам – вчерашним участникам интервенции, укоренившееся в умах большинства населения, что стало питательной средой для формирования менталитета «осажденной крепости» и атмосферы «холодной войны».

Еще до того как большевики пришли к власти, а Ф.Э. Дзержинский стал председателем ВЧК, Россию охватил террор. Однако все предреволюционные хоть как-то идейно мотивированные теракты левых эсеров, лихих бомбистов, анархистов против царских чиновников, просто померкли в сравнении с беспределом, захлестнувшим Россию после Февральской революции. Акты самосуда, оскорбления и насилия, убийства и расправы были применены не только к сотрудникам охранных отделений, жандармерии и полиции, но и к сотням ни в чем не повинных морских офицеров, которых расстреливали на Балтике, а в армии на штыки поднимали командиров полков. Почти половина помещичьих усадеб выгорела именно в 1917 г., их хозяева были физически истреблены или изгнаны с нажитых мест. Империалистическая война перевернула все представления о нравственности. За три года исчезло уважение к церкви и ее заветам. В образованном человеке, в любом чиновнике стали видеть обманщика, врага. Война стала повивальной бабкой не только революции, но и террора. Народ вооружили и озлобили не большевики.

О «ритуальности» русского народа в смысле «дай полизать крови» писал Александру Блоку В.В. Розанов. И Блок отвечал: «Страшно глубоко то, что Вы пишете о древнем «дай полизать крови». Но вот: Сам я не «террорист» уже по одному тому, что «литератор». Как человек, я содрогаюсь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных... И, однако так *сильно озлобление* (коллективное) и так чудовищно неравенство положений, что я действительно не осужу террор сейчас».

На вопроса о причинах братоубийственной войны историки давно дали ответ. Отметим лишь, что в то драматическое время ни большевики, ни белогвардейцы, ни меньшевики, ни эсеры не желали идти на какие-либо компромиссы, а стремились уничтожить своих противников.

Первую акцию эсеровские боевики осуществили в Петрограде 20 июня 1918 г. Был смертельно ранен член Президиума ВЦИК комиссар по делам печати Петроградского совета В. Володарский. После убийства М.С. Урицкого и ранения Ленина большевики перешли к красному террору. «Родившийся в Февральской революции как стихийный самосуд революционной толпы рабочих, солдат и матросов», красный террор, по мнению А.И. Степанова, «трансформировался в строго централизованную, целенаправленную и весьма эффективную систему наблюдения, фильтрации, устранения, подавления и уничтожения всех потенциальных, скрытых и явных противников большевистского режима»¹⁴.

В годы Гражданской войны как белые, так и красные проводили политику физического уничтожения и устрашения по отношению к своим противникам. Так, генерал С.Л. Марков, отправляя в бой последние резервы, напутствовал идущих на смерть: «Имейте в виду, что

враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными загромождать наш тыл не надо!»¹⁵. Л.Г. Корнилов говорил: «В плен не брать. Чем больше террора, тем больше победы!»¹⁶.

Большевики в жестокости также не уступали белым генералам. 17 сентября 1918 г. в одной из влиятельнейших газет «Северная коммуна» было опубликовано беспрецедентное требование члена ЦК РКП(б) и председателя Петроградского совета Г.Е. Зиновьева (с 1919 г. глава Коминтерна): «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить»¹⁷.

Многие факты свидетельствовали о дальнейшем одичании общества, ввергнутого в жесточайшие испытания. Случаи людоедства и трупоедства в Поволжье, жестокости, выходявшие за рамки юридических и нравственных норм, не были единичными. Конечно, роль катализатора насилия в Гражданской войне выполняла ненависть к старому режиму, революционная нетерпимость масс ко всем сомневающимся и стоявшим в стороне от политической борьбы, непоколебимая уверенность большевиков в правоте своего дела. В этих условиях классовая целесообразность считалась выше общечеловеческих нравственных норм, а жестокость после кровопролитной мировой войны не исчезла. Но и среди политических противников в России большевики отнюдь не были в числе самых жестоких. Националистический террор, погромы и резня на конфессионально-этнической почве также были трагическими реалиями эпохи. Это переплетение различных видов террора порождало все новые и новые, более жестокие и изощренные формы и методы насилия. Только петлюровский террор унес, по некоторым оценкам, 300 тыс. жизней¹⁸. И А.В. Пешехонов не случайно обратился к А.И. Деникину с таким вопросом: «Или вы не замечаете крови на этой (белогвардейской – *Авт.*) власти?» Такой упрек мог быть сделан любому белогвардейскому правительству. Между красным и белым террором было много общего. На это обратил внимание С.П. Мельгунов, но «белый» террор всегда был ужаснее «красного», другими словами, реставрация несла с собою больше человеческих жертв, чем революция». Однако красный террор, отмечал он, отличался от белого продуманной системой. «Слабость власти (белой – *Авт.*), эксцессы, даже классовая месть и... апофеоз террора – явления разных порядков»¹⁹.

И все же в советское время было явно выражено стремление политического руководства оправдать красный террор революционной целесообразностью, потребностью защиты самой власти, отчаянным сопротивлением свергнутых классов, навязавших этот террор большевикам. Вместе с тем, возможность превращения террора в систему беспокоила многих сторонников большевиков, они говорили об опасности развития событий, когда политика подавления не стала бы «общим правилом на длительное время». Об этом предупреждала Р. Люксембург еще в 1918 г. На это же обратил внимание Дзержинского народоволец Н.А. Морозов 11 августа 1921 г.: «...Весь вопрос для меня заключается лишь в том, как сохранить в полной ценности чисто гражданские приобретения революции и сможете ли Вы, сами же, благополучно привести в устойчивое равновесие слишком откачнувшийся влево маятник?»

Я очень бы желал этого и надеюсь на это. Иначе произойдет небывалый в истории человечества крах и небывалое кровопролитие. Как беспристрастный наблюдатель, я не могу не видеть, что от него спасает Россию только Ваша чека, да еще красный офицер и курсанты...»²⁰.

Но в последующем случилось то, что и предвидел Морозов. Трагедия коснулась миллионов людей. Все это трудно понять, если рассматривать события 20-х гг. прошлого века с точки зрения классической законности и нравственности начала XXI в. Тогда жили другие люди, были иными обычаи и традиции, исторические условия, жизнь отдельной личности обеспечена. К тому же в России никогда не было глубоких корней уважения к праву и закону. Совершенно правильно отмечал на III съезде Советов СССР М.И. Калинин: «...Закон был законом, а жизнь шла у нас своим путем... Наши революционные законы, вообще говоря, суровы; им

же соответствуют и суровые органы. А все это соответствует настоящему жестокому времени борьбы нового мира за право на свое существование и развитие»²¹.

В то драматическое время на первом месте стояли не интересы отдельной личности, а борьба за счастье всего человечества в целом, все подчинялось идее светлого будущего всех народов, за которую боролись, не всегда разбираясь в средствах.

Предопределенность последующего государственного развития, неспособность перейти от состояния Гражданской войны к прочному гражданскому миру были во многом обусловлены традициями террора, сложившимися в годы Гражданской войны, колоссальной ролью репрессивных органов в системе новой государственности и в жизни советского общества. Но даже тогда важнейшее значение имело влияние таких факторов, как строгая регламентация и правовое регулирование деятельности охранительных учреждений, их отчетность и подконтрольность в сочетании с соблюдением и защитой прав граждан. И на одно из важных мест выходило воспитание граждан не только законопослушными, но и знающими эти законы.

Но широкое применение насильственных мер оставалось неотъемлемой стороной жизни в Советской России и в 1920-х гг. В расколовшемся обществе нельзя было жить, руководствуясь абстрактным гуманизмом. Жестокие методы борьбы воспринимались как суровая, необходимая мера, и большинство населения, ощущая на себе угрозу физического истребления, поддерживало усилия власти по укреплению порядка в стране. Радикальные элементы общества и после Гражданской войны не отказались от крайних мер борьбы. Например, анархо-коммунисты призывали народ к всеобщему бунту, хотели снова услышать «треск пулеметов», эсеры-максималисты шли дальше, заявляя о себе как о террористах, «углубителях революции», выступали за «стихию террора». А для таких людей, как Б.В. Савинков, «террор превратился в самоцель». Они заявили о праве на политическое убийство, которое им представлялось столь же свободным и несомненным²².

В годы нэпа произошли настолько существенные изменения, что до сих пор вызывают повышенный интерес к опыту тех лет. Яркий противник советской власти, бывший госсекретарь США Збигнев Бжезинский, характеризовал нэп как «самую открытую и интеллектуальную новаторскую фазу русской истории XX столетия», как «период экспериментирования, гибкости и умеренности», как «лучшие годы той эры, начало которой возвестила революция 1917 года»²³.

И прав был один из лидеров меньшевиков А.Н. Потресов, который писал: «Инстинкт самосохранения подсказывает власти, что нельзя слишком расходиться с реальностью, и тот же инстинкт напоминает о том, что нельзя и слишком далеко идти этой реальности навстречу. Отказ от реальности – это повторение так называемого военного коммунизма, уже споткнувшегося в свое время о камень крестьянства»²⁴. Новое государство выбирало свой самостоятельный путь, отказываясь не только от коренных устоев Российской империи, но и от политики военного коммунизма. Оно могло рассчитывать лишь на собственные силы и природные ресурсы, обрекая народ проводимыми реформами на долгие годы тяжелых социальных и экономических последствий. Но у политического руководства к 1921 г. имелась ясная цель и решимость, опиравшаяся на волю большинства народа, добиваться претворения в жизнь плана революционных преобразований. А выход из сложного социально-политического кризиса был найден с принятием новой экономической политики.

После Гражданской войны и борьбы с интервентами у РКП(б) и ее союзников не было реальной возможности довести до желаемого конца революционные преобразования не только в мире, но и в Европе. В то же время и внутренняя контрреволюция, и оппозиция не имели сил свергнуть советскую власть и правящую партию, которые тогда опирались на значительную поддержку большинства населения страны и сочувствие трудящихся других стран. Росло наци-

онально-освободительное движение, обострялись противоречия в капиталистическом мире. Наступившее относительное равновесие сил было очень непрочным.

События конца 1917 г. означали начало формирования административно-командной системы, переросшей в середине 30-х гг. в тоталитарный режим. У истоков этого процесса стояли лидеры большевистской партии, в том числе и Дзержинский.

Что это был за человек, о котором сложены легенды и сочинено столько нелепостей? Поэтому есть настоятельная необходимость сделать пояснения к его автобиографии.

Дзержинский было потомственным дворянином и принадлежал к старинному роду. Предок Дзержинского ротмистр Николай Дзержинский 11 апреля 1663 г. приобрел по купчей ведомости имение Спица с десятью дворами крестьян в Крожском уезде Самогитского княжества, а 4 мая 1703 г. он по духовному завещанию передал его сыну Якову. 11 февраля 1855 г. все его сбережения и имение в Кохиншках перешли жене по второму браку Варваре и их детям, а закладная сумма – дочери от первого брака Марцианне Дзержинской. Она же по духовному завещанию все имущество, доставшееся ей после матери Терезии и отца Якова Дзержинского, передала родным братьям – Лаврентию, Роху и Антону, которые по определению Литовско-Виленского Дворянского депутатского собрания 5 марта 1799 г. были внесены в дворянскую родословную книгу губернии. Потомки Роха и Антона, в том числе и сын Антона Дзержинского Иосиф-Иван и сын последнего – Эдмунд-Руфин Дзержинский были записаны в дворянскую родословную книгу Минской губернии по определению Минского дворянского собрания 18 июня 1819 г. и 7 октября 1861 г.²⁵

Отец Феликса Эдмунд-Руфин Дзержинский родился 15 января 1838 г. В 1863 г. он окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, и через два года уехал с семьей в Таганрог, где до ухода в 1875 г. в отставку по болезни работал преподавателем физики и математики в мужской и женской гимназиях.

Мать Феликса Елена Игнатьевна, в девичестве Янушевская, происходила из интеллигентной семьи. Ее отец был профессором Петербургского железнодорожного института.

Шестой ребенок у Елены Янушевской и Эдмунда-Руфина появился на свет раньше, чем его ожидали. Мать, будучи беременной, проходила вечером темными сенями и случайно упала в открытый подвал. В ту же ночь, 11 сентября 1877 г., она родила Феликса. В метрике из подлинной книги Деревнинского римско-католического приходского костела, на 54-55 листах, под № 195 записано: «Тысяча восемьсот семьдесят седьмого года, ноября, шестнадцатого дня в Деревнинском римско-католического приходского костела окрещен младенец по имени Феликс Киприаном Жебровским, администратором того же костела, с совершением всех обрядов таинства дворян: коллежского советника Эдмунд-Руфина Осиповича и Гелены, урожденной Янушевской, Дзержинскими, супругов сын, родившийся сего года, августа 30 дня в имении Держиново Деревнинского прихода. Восприемниками были дворяне Франц Вержбовский с Юзефью Войновою, вдовою»²⁶.

В 1882 г. на 43-м году жизни Эдмунд-Руфин умер от туберкулеза. На руках у тридцатидвухлетней матери осталось восемь детей. Они жили на небольшую пенсию отца и мизерную арендную плату за имение Держиново. Их материально и морально поддерживала мать Елены Игнатьевны Казимира Янушевская, проживавшая в усадьбе Йоды под Вильно.

Елена Янушевская создала условия для всестороннего развития детей. В последующем Феликс писал: «Мама наша бессмертна в нас. Она дала мне душу, вложила в нее любовь, расширила мое сердце и поселилась в нем навсегда»²⁷. Но она ушла из жизни 14 января 1896 г.

С шести лет Феликс учился читать и писать по-польски, а с семи – по-русски. Первыми его учителями были мать и старшая сестра Альдона, которая подготовила его в 1887 г. к поступлению в 1-ю Виленскую мужскую гимназию. Учеба шла с переменным успехом. В первом классе он остался на второй год, потому что слабо знал русский язык. В протоколе

заседаний педсовета 1-й Виленской гимназии за первое полугодие 1889/90 учебного года отмечено, что Феликс Дзержинский за поведение получил удовлетворительную оценку. Она была снижена за его шалости и драку с товарищами в гимназии, а также за «умышленный крик при входе в класс преподавателя немецкого языка»²⁸.

В гимназии преподаватели всех предметов отмечали результаты обучения по трем показателям: успехи, внимание и прилежание. Так, в 5 классе в 1892/93 учебном году больших успехов Феликс достиг в изучении Закона Божьего – 5, 4 получил по латинскому языку, гимнастике, истории, немецкому и французскому языкам; за внимание получил 4 по латинскому, греческому, немецкому и французскому языкам, истории, Закону Божьему; хорошее прилежание было отмечено при изучении латинского, греческого, немецкого и французского языков. Гимнастике обучал его поручик 106-го Уфимского полка Сацукевич, оценивая успехи своего ученика как хорошие и удовлетворительные²⁹.

Устное испытание по Закону Божьему Феликс выдержал на «отлично»³⁰. Но когда подошло время сдавать экзамены на аттестат зрелости, он бросил гимназию, мотивируя это тем, что «развиваться можно и работая среди рабочих, а университет только отвлекает от идейной работы, создает карьеристов».

В свидетельстве о выходе из гимназии отмечалось, что «предъявитель сего ученик восьмого класса Виленской Первой гимназии Дзержинский Феликс, имеющий от роду 18 лет, сын дворянина, в вероисповедании римско-католическом, поступил в гимназию из домашнего воспитания в августе 1887 г. в I класс.

В бытность свою по VIII класс Виленской гимназии поведения был отличным и оказал при удовлетворительном внимании, удовлетворительных успехах, удовлетворительном прилежании следующие успехи в науке...»³¹

О том, что означало слово «удовлетворительно» за успехи, внимание и прилежание, видно из свидетельства об окончании Феликсом семи классов гимназии. В свидетельстве стояли следующие оценки: одна «четверка» (по Закону Божьему), две «двойки» (по русскому и греческому языкам), остальные были «тройки».

Но важнейшей отличительной особенностью Дзержинского было постоянное стремление учиться. Часто в его письмах из Нолинска, Кайгородского, Александровского центра, Варшавской цитадели встречаются слова: «я учусь», «я читаю, учусь», «с утра до ночи читаю», «проходят дни за чтением», «время я провожу преимущественно за чтением». Он выражает удовольствие наличием в г. Нолинске земской библиотеки, тем, что в Александровском центре «есть книги», в Варшавской цитадели библиотека, в Орловской каторжной тюрьме – «довольно хорошая библиотека».

На путь революционной борьбы с царским режимом Дзержинский встал еще будучи учеником 7-го класса 1-й Виленской гимназии. Пройдя царские тюрьмы и каторгу, испытал на себе действие царской карательной машины, противостоя 20 лет самодержавному режиму. Но путь в революционное движение тоже был нелегким. Как и вся польская шляхта и польское дворянство того времени, он воспитывался в родительском доме в духе строгого католицизма и польского патриотизма. То же самое продолжалось и в первые годы его пребывания в гимназии. В то время в Вильно, по всей Литве и по Белоруссии царскими жандармами, чиновниками и учителями преследовалось все польское и католическое. Эти вполне естественно вызывало протест среди молодого поколения, своими глазами не видевшего виселиц Муравьева-Вешателя, но знавших это по рассказам матерей и живо чувствовавших на каждом шагу свое бесилие³².

Как пытливый гимназист, Дзержинский увлекался библейскими и евангельскими мифами и легендами, церковным учением. В 1922 г. он вспоминал: «Будучи еще мальчиком, я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей. Будучи в гимназии до 6 класса,

я был очень религиозен, даже собирался поступить в римско-католическую духовную семинарию. Мать и один ксендз отговорили меня от этого. Из-за религиозной практики у меня были даже ссоры со старшим братом. Будучи в 4-м классе, я заставлял их Богу молиться. Когда, уже будучи студентом, приехал на каникулы старший брат и спросил меня, как же я представляю себе своего Бога? Я ответил ему: «Бог – в сердце». И сказал: «Если я когда-нибудь приду к выводу, что Бога нет, пушу себе пулю в лоб. Однако этого не случилось. Когда я был в 6-м классе гимназии, произошел перелом – в 1894 году. Тогда я целый год носился с тем, что Бога нет, и всем горячо доказывал это»³³.

Феликс увлекся чтением книг разных философов, таких как Фихте, Либих, Кант, Гегель, Дарвин, которые своим материализмом отвлекли его от религии. В 16 лет, после знакомства с марксизмом Дзержинский разуверился не только в догмах церкви, но и в существовании божественного начала. И все же, став атеистом, в критических ситуациях Бога не забывал. Вспоминая о побеге из Верохоленска в 1902 г., он отметил, что когда бежал с Сладкопевцевым, «вышли мы на берег, крестясь и благодаря господу Бога за спасение жизни»³⁴.

В воспоминаниях Дзержинского, записанных В. Мицкевичем-Капсукасом в конце 1922 г. во время возвращения вместе с ним из Тифлиса, он рассказал, что в 1894 г. попал в кружок одного из основателей социал-демократии Польши и Литвы, в последующем одного из идеологов литовской буржуазии Альфонса Моравского, «который дал мне читать «Эрфуртскую программу». В 1895 г. у меня уже был свой кружок, которым я руководил. Знакомил членов кружка с взглядами на вселенную, развитием первобытного общества. Наконец, переходил к «Эрфуртской программе». В одном из его кружков ремесленных и фабричных учеников состоял и один из будущих вождей Бунда Либер с сестрами.

В эти годы положение семьи Дзержинских было очень трудным. У тридцатидвухлетней матери на руках осталось восемь детей, старшей – Альдоне исполнилось всего лишь 12 лет, младшему, Владиславу, – немногим более года. Чтобы иметь постоянный заработок, Феликс поступил работать в переплетную мастерскую и давал уроки отстающим ученикам.

«С массаами я начал знакомиться при содействии одного рабочего поэта, – отмечал Дзержинский. – Заходил вместе с ним на вечеринки и в кабачки, где после получки собирались рабочие. Я там вел агитацию на экономической почве. О политике (царе и прочих) нельзя было говорить. Когда однажды в кабаке возле Стефанского рынка один старый рабочий заговорил о восстании, другие рабочие избили его бутылками. Только после упорной борьбы в кружках перешли от кружковой работы к массовой». Но в большей мере это была экономическая агитация. Он говорил о тяжелом экономическом положении рабочих и неимоверной эксплуатации, призывая их к борьбе за улучшение своего экономического положения. Дзержинский в своих воспоминаниях писал: «Необходимость соединения экономической борьбы с политической я себе усвоил только в ссылке».

Революционная агитация воспринималась рабочими неоднозначно. Так, рабочие завода Гольдштейна однажды поймали «агитатора Яцека» и его друга-поэта и избили их. Дзержинскому нанесли ножевые раны в правый висок и в голову. «Доктор Домашевский потом зашил рану. Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался».

Во избежание ареста в 1897 г. Дзержинский был направлен по партийной линии в Ковно. «Условия моего существования в Ковно, – отмечал он, – были весьма тяжелые. Я устроился на работу в переплетную мастерскую. И весьма бедствовал. Не раз текла слюнка, когда я приходил на квартиру рабочих, и в нос ударял запах блинов или чего-нибудь другого. Иногда приглашали меня рабочие вместе поесть, но я отказывался, уверяя, что уже ел, хотя в желудке было пусто».

Взгляды молодого революционера формировались в ходе постоянной работы среди населения и в тюремных застенках. Наиболее полно читатель может судить о его взглядах по днев-

нику, который он вел в тюрьме. 5 ноября 1898 г. он признавался сестре Альдоне: «Я не могу ни изменить себя, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад»³⁵.

Революционное дело для него стало «превыше всех повседневных мелочей».

В основе взглядов Дзержинского лежала непоколебимая вера в успех революционной борьбы: «Когда сидели в 1916 г. в Москве в Бутырках из 12 человек (одногокомнатников. – *Авт.*), там я один верил в неизбежность революции. Между прочим, я пошел в пари с анархистом Новиковым. Я утверждал, что к началу 1918 г. революция всех нас освободит. Если же этого не случится, я согласился весь свой заработок отдать Новикову, а если случится – Новиков идет в подчинение ко мне. Когда Февральская революция 1917 г. освободила нас, Новиков действительно «подчинился» мне и стал коммунистом»³⁶.

Какие же жизненные цели поставил перед собой Феликс Дзержинский, во имя которых надо было страдать? «Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов... чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни». Чтобы достигнуть этого, «такие, как я, должны отказаться от всех личных благ, от жизни для себя ради жизни для дела». Именно во имя этого, писал молодой революционер, «пока теплится жизнь, жива сама идея, я буду землю копать, делать самую черную работу, делать все, что смогу. И эта мысль успокаивает меня, дает возможность переносить муку. Нужно свой долг выполнить, свой путь пройти до конца». А счастье – это «не жизнь без забот и печалей, счастье – это состояние души» и в душе «есть святая искра... которая дает счастье даже на костре». Силы духа, отмечал Ф. Дзержинский в 1901 г., «у меня хватит ее на тысячу лет, а то и больше»³⁷.

6 июня 1918 г. Дзержинский писал о своей тюремной биографии: «Первый раз был арестован за принадлежность к с.-д. партии в г. Ковно, в июне 1897 г., после 13 месяцев [заключения] был выслан в Вятскую губернию на три года, откуда в 1899 г. бежал в Варшаву. Там был арестован в феврале 1900 г., в 1902 г. был выслан на 5 лет в Виллюйск, по дороге из Верхоленска бежал. Снова был арестован в Варшаве в июне 1905 г., освободила революция в октябре. Снова арестован там же в декабре 1906 г., в июне 1907 г. отпущен под залог. Затем арестован там же в апреле 1908 г., осужден и выслан на поселение в Енисейскую губернию в октябре 1909 г., бежал оттуда в ноябре. И последний раз арестован в сентябре 1910 г. и осужден за побег на 3 года, а за принадлежность к партии – к шести-семи годам каторжных работ. Отослан в Орловский централ, а потом в Бутырки. Освобожден революцией 1 марта 1917 г.»³⁸

«Тюремное образование» способствовало окончательному формированию взглядов на жизнь, на роль и место революционера в преобразовании общества. Имя Дзержинского становится хорошо известно не только царской охранке, но и членам других революционных партий. Его считают одним из лидеров польской и российской социал-демократии, он постоянно работает под разными псевдонимами: Переплетчик, Астрономек, Франек, Юзеф, а также и под фамилиями: Кржечковский, Доманский, Франковский.

Наиболее полно читатель может судить о взглядах Дзержинского, в основе которых лежала непоколебимая вера в успех революционной борьбы, по дневнику, который он вел в тюрьме с 30 апреля 1908 г. по 8 августа 1909 г. «В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в деле»³⁹.

«Сомнение не зарождалось», но иногда все же приходила мысль о смерти как о лучшем выходе. Но он ее отбрасывал: «Я буду жить, не лишу себя жизни; меня привязывают к ней чувства других людей и моя работа, а может быть, и тоска и надежда, что возвратится время песни, – надежда бессознательная, надежда, которую тоска старается вунзить»⁴⁰. При этом все

личное уходило на второй план – «Когда я вижу жизнь других людей, то мне стыдно становится, что нередко мои личные заботы отнимают у меня столько мыслей, чувств и сил»⁴¹. 3 июня 1913 г. в письме к сестре Альдоне Булгак он отметил: «Быть светлым лучом для других, самому излучать свет – вот высшее счастье для человека, какого он только может достигнуть. Тогда человек не боится ни страданий, ни боли, ни горя, ни нужды. Тогда человек перестанет бояться смерти, хотя только тогда он научится по-настоящему любить жизнь»⁴².

Его раздражало бессмысленное прозябание, вынужденное безделье, «которое могло бы довести до сумасшествия, если бы не спасала более широкая мысль, понимание неизбежности и необходимости этого прозябания, понимание того, что оно является ценой радостного и творческого будущего, приближающегося к нам в аду современной жизни»⁴³. И не случайно именно в эти годы у Дзержинского сформировалось отрицательное отношение к интеллигенции: «В настоящее время интеллигентская среда убийственна для души. Она влечет и опьяняет, как водка, своим мнимым блеском, мишурой, поэзией формы, слов, своим личным чувством какого-то превосходства. Она так привязывает к внешним проявлениям «культуры», к определенному «культурному уровню», что когда наступает столкновение между уровнем материальной жизни и уровнем духовной жизни, потребности первой побеждают, и человек сам потом плюет на себя, становится циником, пьяницей или лицемером. Внутренний душевный разлад уже никогда не покидает его»⁴⁴.

Письма к жене из Орловского центра были проникнуты оптимизмом: «И глаза мои видят еще, и уши слышат, и душа воспринимает, и сердце не очерствело еще. И песнь жизни живет в сердце моем...»⁴⁵.

Серые тюремные будни закончились 1 марта 1917 г. Февральская революция сделала Феликса Дзержинского свободным. Ему еще не было и 40 лет, но более 20 лет из них он отдал революционной борьбе, из них 11 лет провел в ссылках, тюрьмах и на каторге. МК РСДРП(б) ввел Дзержинского в комиссию по восстановлению большевистских организаций в армии и созданию Красной гвардии. Но здоровье, подорванное каторгой, давало себя знать, и решением ЦК РСДРП(б) его направили на кумысолечение в Оренбургскую губернию. И только в конце июля 1917 г. он возвращается в Петроград.

Накануне и в дни Октябрьской революции Дзержинский был в центре событий. 10 октября 1917 г. участвовал в заседании ЦК РСДРП (б), принявшем решение о вооруженном восстании и образовавшем по его предложению Политбюро из семи человек во главе с В.И. Лениным. Через два дня вошел в состав Военно-революционного комитета (ВРК), образованного по указанию ЦК при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. 16 октября на расширенном заседании ЦК поддержал выступление Ленина о задачах большевиков по подготовке восстания, подвергнув критике оппонентов, считавших, что время восстания еще не пришло из-за его технической неподготовленности. Заседание избрало Военно-революционный центр по руководству восстанием из пяти человек: А.С. Бубнова, Ф.Э. Дзержинского, Я.М. Свердлов, И.В. Сталина и М.С. Урицкого⁴⁶.

С 20 октября в ВРК было установлено круглосуточное дежурство для поддержания связи с районными советами, воинскими частями и боевыми кораблями Балтийского флота. Дзержинский работал круглые сутки, урывками выкраивая часы для отдыха. Он принимал рабочих, солдат, матросов, командиров красногвардейских отрядов, приезжих из других городов, отдавал распоряжения.

21 октября 1917 г. на заседании ЦК была создана комиссия по подготовке II съезда Советов. На следующий день по предложению Дзержинского и Свердлова ВРК назначил комиссарами в штаб Петроградского военного округа своих членов А.Д. Садовского, П.Е. Лазимира и К.А. Механошина. После отказа командующего округом принять комиссаров ВРК приказом по гарнизону объявил недействительными все распоряжения штаба округа без визы комиссаров

ВРК⁴⁷. В городе отмечался День Петроградского Совета, и Дзержинский выступил на митингах в Московском, Нарвском районах и на Охте, на первой Петроградской конференции красногвардейцев. Весь день прошел под лозунгом «Вся власть Советам!»

24 октября члены ЦК РСДРП (б) получили конкретные задания по подготовке восстания. Дзержинский должен был контролировать почту и телеграф. Он вывел первый отряд из Смольного для занятия Главного телеграфа⁴⁸. К утру 25 октября восставшие захватили все правительственные здания столицы. ВРК опубликовал обращение «К гражданам России!», провозгласившее свержение Временного правительства и переход власти в руки ВРК. Вечером этого дня начал работу II съезд Советов. В воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам!» говорилось о победе революции. Зимний дворец – последний оплот Временного правительства был взят штурмом в два часа ночи 26 октября. Выступая на съезде, Дзержинский заявил: «Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это – пролетариат, который борется за социализм. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнет»⁴⁹.

Съезд избрал Ф.Э.Дзержинского членом ВЦИК.

Одним из первых решений II Всероссийского съезда Советов было поручение местным Советам «принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений»⁵⁰.

Дзержинский принимал активное участие в организации разгрома мятежа Керенского-Краснова, отдавая распоряжения об аресте контрреволюционеров, выдаче оружия, боеприпасов и продовольствия воинским частям и Красной гвардии, сражавшимся с мятежниками. 31 октября/13 ноября, отвечая на запрос делегации Лужского совета, Дзержинский отметил, «что касается фактов расправы с юнкерами и т. п., то это ложь и клевета, в чем Военно-революционный комитет ручается. Ярким доказательством является то обстоятельство, что в Петрограде переворот произошел почти бескровно и Гражданская война началась только с того момента, когда Керенский повел обманутые им войска на Петроград»⁵¹.

В начале ноября на Дзержинского была возложена ответственность за охрану Смольного института, где размещались ВЦИК, СНК, ВРК и другие важные государственные учреждения. Обследовав состояние охраны, он нашел ее неудовлетворительной и предложил реорганизовать комендатуру, удалив из нее контрреволюционные элементы. В ведение Дзержинского перешла выдача постоянных и временных пропусков в Смольный, проверка служащих учреждений, находившихся на территории института⁵². Он занимался охраной винных складов, реквизицией товаров у спекулянтов, разрешением митингов и собраний, заботился об охране границы республики, об отправке в провинцию оружия и агитационной литературы, снабжении воинских учреждений и частей продовольствием, мануфактурой и топливом, руководил операциями по розыску ценностей, похищенных в Зимнем дворце и многим другим.

21 ноября/4 декабря 1917 г. в составе ВРК по предложению Ф. Э. Дзержинского был создан отдел по борьбе с контрреволюцией в составе пяти человек: Н.А. Скрыпника, И.П. Флеровского, Г.И. Благоднарова, А.В. Галкина и В.А. Трифонова⁵³.

С обострением политической обстановки возник вопрос о борьбе с саботажем и в последующем его вынесли на решение СНК. В наказе ВЦИК от 17 ноября 1917 г. о взаимоотношениях ВЦИК и СНК, в п. 3 говорилось: «Мероприятия по борьбе с контрреволюцией могут быть проводимы Советом Народных Комиссаров непосредственно, под условием ответственности перед Центральным Исполнительным Комитетом»⁵⁴.

Дзержинский лично занимался расследованием дел, связанных с саботажем. Не все признавали правомочность новой власти и отказывались давать какие-либо показания, как это сделал 24 ноября/7 декабря 1917 г. бывший товарищ министра внутренних дел С. Н. Салты-

ков, сославшись на то, что «в таких случаях он всегда придерживался такой тактики, как нпр. в 1902 и в 1908 гг. Деятельность его протекала у всех на глазах, и исполнял он в правительстве свои обязанности по поручению партии...»⁵⁵.

С каждым днем обстановка в столице становилась все более сложной. 27 ноября 1918 г., выступая на открытии 2-й Всероссийской конференции ЧК, Дзержинский говорил: «Сама жизнь выдвинула эти организации, и наша задача – придать им систематизированный, планомерный, методический характер. Нам предстоит здесь разрешить ряд организационных вопросов, от разрешения коих зависит успешность нашей борьбы... нам предстоит разрешить вопрос о борьбе со всякими мародерами, взяточниками и контрреволюционерами»⁵⁶.

5/18 декабря 1917 г. Ф. Э. Дзержинский, ссылаясь на донесения лиц, за правдивость которых ручался И.В. Сталин, записал сообщение об отправке белогвардейцев в войска А. М. Каледина: «в Георгиевском батальоне, на Мойке, 20, в Придворной капелле и Комитете увечных воинов выдавались записки на получение денег и инструкций для проезда на Дон: солдату 200 руб., офицеру – 2000 руб., юнкеру – 400 руб. из сумм, получаемых от Франции и Англии через петроградские банки. Деньги выдавали штабс-капитан Веревкин (Нижегородская, 17), капитан Межинский (угол Каменноостровского и Большого, № 33, кв. 7). Косвенно в этом замешан полковник Авринский из Михайловского артиллерийского училища»⁴⁴. Были арестованы штабс-капитаны Н. М. Веревкин и Ф. Д. Межинский. После допроса Дзержинским офицеров отпустили за отсутствием улик.

5/18 декабря 1917 г. была перехвачена телеграмма Малого совета министров бывшего Временного правительства, призывавшая всех чиновников к саботажу во всероссийском масштабе. В тот же день ВРК принял решение о самоликвидации, один из отделов которого вел борьбу с контрреволюцией, в связи с чем вопрос о борьбе с саботажем был вынесен на заседание СНК под председательством Ленина. На заседании заслушали предложение Дзержинского о необходимости упразднить бывшее Петроградское градоначальство, передать все его дела соответствующим ведомствам и образовать специальный орган для охраны порядка в Петрограде. Ликвидация бывшего градоначальства по плану Дзержинского и организацию специального органа для поддержания спокойствия и порядка в Петрограде поручили К. Е. Ворошилову⁵⁸.

6/19 декабря 1917 г. на заседании СНК под председательством В.И. Ленина был заслушан вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». Советское правительство решило: «Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа.

К завтрашнему заседанию представить списки членов этой комиссии и мер борьбы с саботажем»⁵⁹.

7/20 декабря 1917 г. Ленин просил Дзержинского при подготовке декрета учесть его предложения по принятию экстренных мер борьбы с контрреволюционерами и саботажниками. «Буржуазия, помещики и все богатые классы, – писал он, – напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей...».

Здесь же были предложены конкретные меры СНК для борьбы с контрреволюционерами и саботажниками: обязанности домовых комитетов, наказание саботажников и др.⁶⁰

На организационном заседании под председательством Дзержинского присутствовали И. К. Ксенофонтов, В.К. Аверин, Серго (Орджоникидзе Г. К.), Р.А. Петерсон, Я.Х. Петерс, Д.Г. Евсеев и В.А. Трифонов. Был заслушан вопрос «Об организации комиссии» и решено: «Организовать комиссию и назвать ее «Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Комиссия должна была «пресекать в корне все контрреволюционные и саботажные дела и попытки к ним по всей России; предавать суду Революционного трибунала контрреволюционеров и саботажников, выработать меры борьбы с ними и беспощадно проводить их в жизнь. Комиссия должна вести только предварительное следствие».

В этот же день состоялось заседание СНК под председательством Ленина. Был заслушан доклад Дзержинского об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем и решено назвать комиссию – Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее в составе И.К. Ксенофонтова, Н.А. Жиделева, В.К. Аверина, Р.А. Петерсона, Я.Х. Петерса, Д.Г. Евсеева, В.А. Трифонова, Ф.Э. Дзержинского и В.Н. Василевского. Под вопросом остался Серго. Были определены также и задачи комиссии: 1) пресечение и ликвидация всех контрреволюционных и саботажнических попыток и действий по всей России со стороны кого бы они ни исходили, 2) предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними; 3) комиссия могла вести только предварительное расследование, насколько это было необходимо для пресечения. Комиссия делилась на три отдела: 1) информационный, 2) организационный (для организации борьбы с контрреволюцией по всей стране и местных отделов), 3) отдел борьбы. Мерами борьбы избраны – конфискация, лишения карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.⁶¹. Организационному отделу было поручено «выпустить воззвание ко всем советам и другим революционным организациям, призывающее к борьбе и дающее указания». Комиссия поручила обратить внимание, прежде всего на печать, контрреволюционные партии, саботажников и других преступников, проникающих в советские организации. Окончательно комиссия должна была оформиться 8/21 декабря 1917 г. Пока же продолжала действовать Ликвидационная комиссия ВРК. Местом работы ВЧК предложили избрать Петропавловскую крепость или здание бывшего Градоначальства⁶².

10/23 декабря 1917 г. газета «Известия ЦИК» опубликовала постановление СНК об образовании ВЧК и месте ее работы: Гороховая, дом 2; сообщалось также время приема для граждан – от 12 до 17 часов⁶³.

Это было время, когда большевики заняли посты в бывших министерствах, найдя там только пустые кресла и столы, закрытые ящики и шкафы без ключей. Остались только курьеры, перешедшие на сторону революции. Чиновники государственных учреждений, без работы которых жизнь в стране была невозможна, саботировали все мероприятия советской власти. К тому же в различные структуры нового госаппарата «бросилась масса авантюристов, людей не идейных, желающих нажиться и обдѣлывать свои делишки, пользуясь тем, что нельзя было наладить контроля». В эти же дни приходилось разоружать деморализованные части демобилизуемой армии, арестовывать лиц, не связанных с большевиками идейно, которые пытались распродать военное имущество, вплоть до пулеметов⁶⁴.

Для удержания власти было необходимо прийти к соглашению с другими политическими партиями, прежде всего с левыми эсерами.

Возникает вопрос: почему во главе ВЧК стал именно Дзержинский. На этот выбор повлияли несколько причин. Во-первых, он был профессиональным революционером, членом РСДРП(б), до фанатичности преданным большевистской идее, соратником и ближайшим

помощником Ленина; во-вторых, обладал хорошими организаторскими способностями, был беспощаден к врагам; в-третьих, имел большой опыт в борьбе с политической полицией, лично на себе испытал ее методы; в-четвертых, накануне революции и после нее уже возглавлял структуры борьбы с контрреволюцией в формирувавшемся советском аппарате.

Первые дела председателя ВЧК свидетельствуют о постепенном приобретении им опыта в новой должности. Он лично принимал участие в обысках, приеме арестованных, ведении следствия, формулировке обвинений, вынесении приговоров.

9/22 декабря 1917 г. поручил Д. Г. Евсееву «запечатать кладовые комиссии по погашению государственных долгов, всех участников хищений и саботажа арестовать и произвести необходимые обыски»⁶⁵.

10/23 декабря 1917 г. обязал Воронина реквизировать автомобили в ночь с 22 на 23 декабря и представить их в распоряжение ВЧК для оперативных целей⁶⁶;

15/28 декабря 1917 г. допросил чиновников кредитной канцелярии Минфина Б. А. Стельпу и Н. П. Лелянова, саботировавших, по мнению комиссара по министерству финансов А.Е. Аксельрода, «дела, имеющие существенное значение для сношения с заграницей». После выяснения обстоятельств поведения чиновников и по просьбе министерства финансов они были освобождены из Крестов 2/15 января 1918 г.⁶⁷;

15/28 декабря 1917 г. направил письмо комиссару пересыльной тюрьмы относительно арестованного чиновника Госбанка А.А. Писарского о том, что если тот болен, немедленно его освободить под расписку, что он обязуется из Петрограда никуда не уезжать и по первому требованию явиться к следователю. Копию освидетельствования врача и расписку Писарского просил прислать ему⁶⁸.

16/29 декабря 1917 г., получив информацию о том, что в квартире М. И. Живаго, по адресу Б. Козихинский переулок, д.12, часто собираются спекулянты и ночами играют в азартные игры, и Живаго имеет знакомых среди следователей ВЧК, председатель ВЧК поручил А.Я. Беленькому и С.Ф. Реденсу расследовать обстоятельства дела⁶⁹.

В 20-х числах декабря Дзержинскому стало известно, что в Петрограде чиновники Особого присутствия по призрению нижних чинов и их семей Л.В. Шаромазова и П.П. Блударова саботирует распоряжения советской власти. 30 декабря 1917 г./12 января 1918 г. он дал задание комиссару ВЧК А.Г. Котельникову произвести обыск по Б. Казачьему переулку, в доме № 13, в квартире Шаромазова, изъять все документы, деньги и задержать его. При обыске обнаружили ценные бумаги, деньги и оружие, но Шаромазова дома не оказалось. Было установлено, что в его квартире проживает П. П. Блударов, у которого изъяли 1000 рублей и взяли подписку о явке в ВЧК по первому требованию. Деньги сдали под расписку в ВЧК Ксенофонтову. После разбора всех обстоятельств дела чиновников освободили⁷⁰.

В конце декабря было предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением, взяточничестве и хищениях М.А. Фаерману, А.И. Казанцеву, Л.И. Любовному.

9/22 декабря 1917 г. помощник главкома Петроградского военного округа и комиссар Фаерман, захав в клуб Общества по распространению знаний, хотели получить взятку от хозяйина П. П. Ельфимова. После его отказа они арестовали Ельфимова и посетителей и совершили ряд других противоправных действий.

Из протокола допроса Казанцева, проведенного Дзержинским 15-17 декабря 1917 г., было выяснено, что Фаерман часто посещает клубы, при его и Казанцева появлении посетители прятали деньги по карманам. Казанцев незаконно давал документы и ордера на обыски людям, которых не знает. Так, он принял Басина на службу в клуб и тут же вручил ему три документа: 1) мандат на проверку клубов от 9/ХП; 2) удостоверение, что тот служит в штабе округа от 9/ХП на бланке распущенного ВРК за печатью Военного отдела (отобранную 2/ХП за № 483; 3) предписание от 10/ХП командиру Особого конного отряда дать предъявителю

10 человек с печатью Военного отдела за № 484. Казанцев платил за наемные автомобили и извозчиков, на бланке ВРК от 10 ноября дал незаконное разрешение клубу «Вешние воды» быть открытым до 4 часов. К тому же оказывал незаконное давление на Следственную комиссию для освобождения Прямухина и Басина и прекращения их дела⁷¹.

12/25 декабря 1917 г. ВЧК арестовала Л. И. Любовного и обвинила его в должностном преступлении – по подозрению в расхищении денег совместно с М.А. Фаерманом, оставшихся в кассе бывшего Градоначальства. Любовный окружил себя подозрительными лицами, прикрывавшими его сомнительные сделки, выплачивал им деньги, не ведя никакой отчетности. Как делопроизводитель подписывал представляемые Комиссариатом по внутренним делам ведомости и ассигновки. При аресте у Любовного было обнаружено 1001 руб. 25 коп. 2 ноября 1917 г. после его приезда из-за границы с женой и двумя детьми у него не было ни рубля. Поступив на службу в Комиссариат по внутренним делам к Фаерману 4 ноября, как политический эмигрант, получил пособие в 250 руб. и 200 руб. аванса, который не вернул после получки. И об этом Фаерман ни сказал ни слова при передаче должности Ворошилову. Помимо этого Любовный взял жалование за ноябрь (400 руб.), 60 руб. квартирных (жил же на казенной квартире в Градоначальстве) и 20 руб. столовых. Наконец, после увольнения 4 декабря взял 520 руб. за месяц вперед.

12/25 декабря 1917 г. Ф.Э. Дзержинский поручил Д.Г. Евсееву произвести обыски в квартирах Любовного и Фаермана (Мойка, д.8) и изъять все принадлежащие им документы и деньги⁷².

В заключении по делу Любовного и Фаермана 14/27 декабря 1917 г. Дзержинский указал, что «это человек, способный на кражу народного имущества, доказывает тот факт, что в его вещах, запакованных уже для отъезда, обнаружено много письменных принадлежностей, взятых из Градоначальства, и других вещей, как план морского канала, снаряд 40-мм, библиотечные книжки, австрийский штык. Во время ареста в кармане Любовного обнаружена повестка за № 1179 почтовой кассы № 20 на 113 руб. 93 коп., адресованная комиссару 9-го участка Московской части гор. Петрограда, от 8 ноября 1917 г.*

В вещах у него были обнаружены 2 чистых бланка Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с печатью Военного отдела. Каким образом у него оказались такие бланки, Любовный пояснить не мог. В обнаруженном у него печатном отчете об израсходовании 4353 руб. 35 коп. (особенно счет № 30-42) прекрасная иллюстрация хищнического хозяйничанья фаермановско-любовской компании. Показания Любовного не только не могут отклонить обвинений, но их подтверждают. Я просил бы обратить внимание на письмо Любовного (нелегально высланное из тюрьмы), где он пишет о том, [что] якобы его арестовали за то, что он знает слишком много. Я его по этому поводу не допрашивал. Я думаю, что следует его допросить на самом суде.

Как Фаерман и Любовный хозяйничали в б. Градоначальстве, видно тоже из показаний Ермилова, прилагаемого отчета кассы (где нет ни копейки дохода из клубов) и по повесткам и где в расходах страшные позиции.

Интересны и расписки Любовного: 29 ноября получает от Фаермана десять тысяч рублей, а через 3 дня получает снова десять тысяч пятьсот семьдесят рублей. Где отчет и на что он получил? Явно, что эти господа мошенники».

Дела Казанцева, Фаермана и Любовного после допросов их Дзержинским были переданы в Следственную комиссию Петроградского ревтрибунала⁷³.

20 декабря 1917/2 января 1918 г. Любовного освободили из-под стражи под подписку о явке на следствие и суд. В апреле 1918 г. Следственная комиссия при Петроградском совете не согласилась с доводами председателя ВЧК и постановила дело Любовного и Фаермана прекратить.

31 декабря 1917 г./13 января 1918 г. после получения сообщения о том, что Петроградский Союз защиты Учредительного собрания» собирается провести конференцию антисоветских партий и ряда других организаций для созыва Учредительного собрания Ф.Э.Дзержинский поручил чекисту Успенскому «произвести арест и обыск всех, кто окажется на собрании Союза защиты Учредительного собрания и действовать по обстоятельствам»⁷⁴.

Последним документом 1917 г. была расписка Дзержинского от 31 декабря о принятии в ВЧК арестованного солдата 179-го пехотного запасного полка О.Я. Шамброта «вместе с преподавательскими бумагами»⁷⁵.

Таким образом, 7/20 декабря Ф.Э. Дзержинский возглавил Всероссийскую чрезвычайную комиссию, призванную бороться с контрреволюцией, саботажем и должностными преступлениями. Это было продолжением его революционной деятельности теперь уже в новом качестве. И все свои силы он направил на проведение в жизнь политики пришедшей к власти большевистской партии.

Первые дела председателя ВЧК показывают, что овладеть оперативным искусством борьбы с политическими противниками советской власти ему пришлось в условиях отсутствия четкой нормативной базы.

Ссылки:

1. См.: Гегель Г.Ф. Собр. соч. М.-Л., 1936.Т.8.С.7,8.3-103.
2. См.: Ключевский В. О. Соч.: В 9 т.Т.У1.-М.,1989.С.25.
3. Леонтьев К.Избранные письма. 1854-1891.СПб.,1993.С.437.
4. Цит. по кн.: Семенов Ю.Н. Социальная философия А.Тойнби. -М., 1980.С.185.3-106
5. Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву.1907-1908. – СПб. С.122,133.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12. М.,1958. С.701.
7. Савинков Б. Избранное. М.,1990.С.10-11.
8. Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? М., 2003.С.157.
9. См.: История Польши. М., 1955. Т.2.С.559.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42.С.1.
11. Бухарин Н.И. Избр. произведения.– М.,1988.С.9.
12. Десятая конференция РКП (б): Протоколы. М.,1982.С.354.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44.С.4.
14. Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора./Революция и человек: социально-психологический аспект. М.,1998. С.205.
15. Первые бои Добровольческой армии. М., 2001.
16. Пауль С.М. С Корниловым/ Белое дело. Т.3.С.67.
17. Цит по: История советской литературы: Новый взгляд. Ч.2.– М., 1990.С.28
18. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. Берлин, 1923.С.5,6.
19. Там же.
20. РГАСПИ. Ф.76.Оп.3.Д.239.
21. См.: Третий съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчет. – М., 1925.С.267-268.
22. Николаевский Б. История одного предателя.– – М., 1991.С.15.
23. Бжезинский З. Большой провал, агония коммунизма/ Квинтэссенция. – М.,1990.С.258.
24. Потресов А.Н. В плену иллюзий.– Париж, 1927.С.63-64.
25. РГАСПИ.Ф.76.Оп.4.Д.1.Л.1об-2.
26. Там же. Л.5.

27. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1986. С.10.
28. РГАСПИ. Ф.7. Оп.4. Д.2. Л.2.
29. Там же. Л. 3-4.
30. Там же. Л.11,15.
31. Там же. Л.8.
32. Там же. Д.17. Л.2.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же. Д.32. Л.51.
36. Там же. Д.17. Л.12.
37. Там же. Д.33. Л.38-39.
38. Ф.Э. *Дзержинский*. Избранные произведения. В 2 т. Т.1. 1897-1923. 3-е изд. Перераб. и доп. М., 1977. С.175.
39. Тишков А.В. Первый чекист. М., 1968. С.120.
40. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. Минск, 1977. С.139.
41. Там же. С.150.
42. Там же. С.154.
43. Там же. С.163.
44. Там же. С.179.
45. Там же. С.202.
46. См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917-февраль 1918. С.104.
47. См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С.87.
48. Дзержинский Ф.Э. Биография. 3-е изд. Доп. М., 1986. С.125-126.
49. Дзержинский Ф.Э. Избр. произведения. Т. 1. С.165.
50. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.16-17.
51. Дзержинский. Избр. произведения. Т. 1. С. 166.
52. Дзержинский Ф.Э. Биография. С.132.
53. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917-1921. М., 1958. С.62-63.
54. Декреты Советской власти. Т. 1. С. 102.
55. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 336. Оп. 1. Д. 291. Л. 1-2.
56. Известия ВЦИК. 1918 г. 27 ноября. № 259
57. Архив управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. (АУФ-СБСПиЛО). Д.П.-27675. Л.20.
58. ГАРФ. Ф.130. Оп.1. Д.2. Л.30
59. Там же. Л.32-33.
60. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922). 2-е изд., доп. М., 1987. С.19-22.
61. Там же. С. 23-24.
62. ЦАФСБ. Ф.1. Оп.2. Д.1. Л.1.
63. Известия ЦИК. 1917. 10 декабря. № 248
64. Исторический архив. 1958 г. № 1. С.109-111.
65. ЦАФСБ. Ф.1. Оп.1. Д.2. Л.30.
66. Там же. Л.34.
67. АУФСБСПиЛО. Архивно-уголовное дело. П-20145. Л.9.
68. ЦАФСБ. Ф.1. Оп.1. Д.2. Л.38.
69. Там же. Оп.2. Д.10. Л.99-99 об.
70. АУФСБСПиЛО. Архивно-уголовное дело № П – 20145. Л.13.
71. ЦАФСБ. Ф. К-лос. Оп.1. Д. 239. Л.23

72. Там же. Ф.1.Оп.1.Д.2.Л.14.
73. ГАРФ. Ф.Ю74.Оп.1. Д.12. Лл.23-24.
74. ЦАФСБ. Ф.1.Оп.2.Д.7.Л.1.
75. Там же. Ф.1.Оп.1.Д.2.Л.39.

Глава 2

Органы государственной безопасности в советской политической системе

ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем.

Ф. Дзержинский

Диктатура большевиков была опосредованной диктатурой меньшинства, объединенного в политическую организацию, обладавшую своеобразным пониманием исторического процесса, переоценивавшим свои возможности воспроизвести в собственной политической программе реальные интересы абсолютного большинства населения. Внимательный аналитик большевизма Н.А. Бердяев считал, что «большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, – первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм – за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее. Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила»¹.

Вместе с тем шел процесс перерастания декларируемой «диктатуры пролетариата» в «диктатуру над пролетариатом», осуществлялась подмена диктатуры пролетариата диктатурой партии и свертывание намечавшейся первоначально полномочной деятельности советов. Это происходило по нескольким направлениям: усиление в верхнем эшелоне власти роли исполнительных органов по отношению к законодательным, концентрация значительной части законодательной работы в Совнаркоме, падение роли съездов и конференций на губернском, городском и уездном уровнях, принятие большинства решений исполнительными органами Советов, концентрация власти у различных чрезвычайных органов узкого состава различной направленности, превращение «чрезвычайщины», основанной на принуждении и насилии, в один из ведущих принципов, методов и приемов управления, а аппарата ряда отделов Советов (военный, хозяйственный и ЧК) в фактически самостоятельные органы с подчинением центральным ведомствам, все большую зависимость Советов в своих действиях и решениях от партийного аппарата.

Пролетариат не стал на деле субъектом власти. Идеологический постулат: «В государстве диктатуры пролетариата управляют рабочие» не подтвердился. Рабочий класс не был однородным, налицо была его дифференциация: с одной стороны, пестрота взглядов и политических настроений, с другой – стороны, расширявшийся разрыв между рабочими и большевиками, советскими органами, оппозиция к власти и большевикам (анархо-синдикалисты, децисты, «рабочая оппозиция»), нередко открытые конфликты с использованием последними методов подавления и репрессий. Но зачастую оппозиция рабочих была продиктована не только и, может быть, не столько их классовыми симпатиями, сколько житейским прагматизмом.

Если в 1917 г. большевистская партия выступила на политической арене как демократическая партия под сильным авторитарным руководством, то после прихода к власти в условиях Гражданской войны она претерпела серьезные изменения: из общественной организации трансформировалась в мощный бюрократический аппарат, стала милитаризованной и в высшей степени централизованной, находившейся почти в постоянной мобилизации и дисциплины. На смену «государству-коммуне», «полугосударству» пришла диктатура не пролетариата, а диктатура иного типа – диктатура партии, а точнее группы лиц, составлявших ее руководство. Правящую партию И.В. Сталин рассматривал «как своего рода орден меченосцев

внутри государства Советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий их деятельность», а органы безопасности не иначе, как «обнаженный меч рабочего класса», «карательный орган Советской власти», «нечто вроде военно-политического трибунала, созданного для ограждения интересов революции от покушений со стороны контрреволюционных буржуа и их агентов».²

Такое понимание важных вопросов теории и практики преобразования страны со стороны Генерального секретаря ЦК ВКП (б) имело решающее влияние на организацию и деятельность ВЧК-ГПУ-ОГПУ.

Иначе и быть не могло, потому что формирование новой системы происходило в экстремальных условиях Гражданской войны, когда сверхцентрализация и государственное принуждение играли важную роль в мобилизации сил и ресурсов страны, по мнению Ленина, власть в стране принадлежит советам, что же касается партии, то она не властвует, а руководит и направляет. Это означало, что она являлось самостоятельной и не входившей в систему государства политической силой общества, служащей народу, связывающей массы с советами и помогающей им быть органами народовластия. Но на практике дело обстояло совершенно иначе, и с каждым годом все большую силу набирал процесс подмены государственных органов власти партийными. Этому способствовал ряд обстоятельств: во-первых, сама партия стала живой тканью госаппарата, органом диктатуры; во-вторых, не удалось провести четкое разграничение функций РКП (б) и советов, а реальная власть сосредоточилась в руках узких коллегий: «троек», «пятерок», ревкомов, чека, в которые входили представители партии.

Главная причина такого процесса заключалась в том, что и диктатура большевиков в условиях разделения народа на «своих» и «чужих» в большей мере строилась на основах политической культуры царского времени: цензуры, политической полиции, системы политических преследований, сохранившегося значительного разрыва между народом и властью и др. А созданная военно-коммунистическая организация общества состояла из огромного бюрократического аппарата и системы чрезвычайных органов, которые при необходимости действовали в обход и иногда даже вопреки государственной машины.

Почти за столетний период коренных изменений в стране не произошло, хотя она пережила несколько революций и реформ социально-политической системы. И сегодня нам еще далеко до правового государства. Причин для этого очень много. В их числе можно назвать и стремление всякой власти (в отсутствие гражданского общества), прикрываясь высокими помыслами, сохранить и защитить, прежде всего, саму себя. И это ей удавалось с большим успехом при слабой развитости или отсутствии демократических институтов путем усиления и наращивания количества различных охранительных учреждений, что, как правило, вело к созданию полицейского государства. И в формировавшейся советской системе уже с конца 1917 г. хорошо видны характерные черты прежнего самодержавного порядка: сверхцентрализация и идеологизация власти, отсутствие выраженного разделения властей, пренебрежение к праву, демократическим свободам, нетерпимость к оппонентам, стремление государства к монополизации всего политического пространства, бесконтрольность и все возрастающая роль политической полиции, громоздкость и неповоротливость государственного аппарата, бюрократический произвол и неравноправие граждан, превращение большевиков в своеобразное «служилое сословие». В этом и сила инерции, и приверженность к системе, которая в глазах представителей правящего класса оправдала себя как наиболее способная защитить его.

Ф.Э. Дзержинский был не просто дисциплинированным исполнителем партийных решений, но человеком, который оказывал существенное влияние на их принятие, прежде всего в области карательной политики. Он, как и большинство тогдашних коммунистов-политиков, переоценивал возможности волевого воздействия на социальные процессы. Методология их мышления и действия определили ценностные приоритеты и пути деятельности всего государственного аппарата. Все большее внимание они уделяли контролю за общественными процес-

сами и управлению через государственные структуры. Создание и совершенствование советской политической системы шло в условиях борьбы между сторонниками и противниками новой власти. Держинский писал 8 января 1923 г.: «Чтобы наша система государственного капитализма, т(о) е(сть) само Советское государство не обанкротилось, необходимо разрешить проблему госаппаратов, проблему завоевания этой среды, преодоления психологии и вражды. Это значит, что проблема эта может быть разрешена только в борьбе... Борьба с этой частнособственнической стихией, держащей в руках все наши административные и хозяйственные аппараты, возможна лишь при условии сознания этой опасности и сознания необходимости этой борьбы с намеченным направлением, как борьбы с Деникиным, Колчаком и другими генералами, как борьбы с (социалистами революционерами), меньшевиками и всей прямой контрреволюцией».³

Огосударствление партии большевиков привело к тому, что, «воплотившись в государственный аппарат, она была вынуждена представлять и защищать и особенные государственные интересы, которые, развиваясь, все более отчуждали большевиков от их первоначальной задачи защиты интересов рабочего класса и трудового крестьянства. Большевистская партия перестала играть традиционную для политической партии роль посредника между обществом и государством. Общество оказалось беззащитным перед тандемом «партия – государство». Возросшая роль партийных лидеров приобрела большее значение, ибо «при отсутствии концепции разделения властей и институтов системы управления ведущая роль партии в обществе превратилась в ведущую роль лидеров над самой партией».⁴

Даже в проведении карательной политики при широчайших правах чрезвычайных органов решающее слово принадлежало партийным структурам. Когда анализируется практика судебных органов Советской республики в 1917-1926 гг., то следует иметь в виду, что всякому судебному (как и внесудебному) постановлению предшествовала партийная директива. Судьи не были свободны в принятии решений. И пример в этом подавало Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б). Вот некоторые вопросы, рассмотренные на заседаниях Политбюро: об освобождении анархистки Таратута (2 февраля 1922 г.); о приговоре по делу Киевского «Областного центра действия» (9 апреля 1924 г.); о судебном процессе белогвардейцев в Армавире и о приговоре Амурского губсуда по делу о контрреволюционном восстании в Благовещенском уезде (3 июня 1924 г.); о приговорах судов по политическим делам (3 июля 1924 г.); о немецких студентах, обвиняемых в терроризме (13 марта 1925 г.); предложение Менжинского о передаче в суд дела эстонских шпионов (22 октября 1925 г.).⁵ И этот перечень можно было бы продолжить. Но для понимания сути проблемы приведенного вполне достаточно.

Осуществляя государственное строительство, политическое руководство страны учитывало специфику каждой составной части госаппарата, обращало большое внимание на те его звенья, от которых зависел успех решения задач на данном этапе развития страны.

Большевистскому руководству для претворения в жизнь своих планов требовалась организация, перед которой можно было ставить задачи специфического характера. Партийные органы для этого не годились. В борьбе с политическими противниками (от членов антибольшевистских партий до оппозиции) самое больше, что они могли дать – это оказать моральное воздействие, исключить из партии и в крайнем случае, выгнать с работы. Но они не могли арестовывать, допрашивать, проводить судебные процессы, и тем более исполнять приговоры. Такие функции были возложены на органы государственной безопасности. Это было и одной из главных причин постоянного уточнения компетенции и функциональных обязанностей органов ВЧК-ОГПУ, неизменного возрастания их роли в жизни страны, в том числе и в совершенно не свойственных им сферах деятельности. Очень часто они наделялись особыми полномочиями, выходящими за рамки социалистической законности, действовали по принципу поли-

тической целесообразности. В последующем органы безопасности даже стали орудием внутрипартийной борьбы с оппозиционными группами в самой коммунистической партии.

Органы ВЧК-ОГПУ стали как бы его опорной структурой для реализации сложных политических решений РКП (б)-ВКП (б). Как составная часть механизма советского государства, органы ВЧК-ОГПУ строили свою практическую деятельность на основе единых теоретических принципов и политики РКП (б). Они претворяли в жизнь волю партии, ее вождей, только формально подчиняясь Совнаркому, а фактически – Политбюро ЦК компартии.

Красной нитью через все программные документы РКП(б)– ВКП(б). проходит проблемы политического руководства. При этом принципиальное значение придавалось взаимоотношениям партийного аппарата и органов власти, которые занимали особое место в советской политической системе, постепенно становясь все более сильным инструментом власти большевиков.

Решения вышестоящих партийных органов для них были обязательны: парткомы не имели право вмешиваться только в оперативную деятельность чекистов, но зато внимательно следили за повседневной жизнью каждого сотрудника. Обособленность, ввиду специфики службы и официальной точке зрения партийного руководства, считавшего органы безопасности «вооруженным отрядом партии» свидетельствовали о том месте, которое им отводилось в Советском государстве. Так что чекистское ведомство никогда не играло самостоятельной роли и тем более не «стояло над партией» и само не проводило репрессии вопреки воле партии. Легенда о возвышении органов безопасности над партией и государством была изобретена в середине 1950-х гг. самими партийными функционерами. Наоборот, оно было самым послушным, наиболее дисциплинированным и наиболее острым орудием большевиков.

Кроме того, органы безопасности не входили в организационную структуру партийного аппарата, они работали по директивам правящей партии и под ее контролем, к тому же в Советском государстве не было ни одной структуры, которая не была бы создана без участия РКП(б). Безусловно, органы безопасности были частью системы государственной власти и государственного управления. Но особой ее частью. Именно «от полноты, интенсивности и своевременности мероприятий, принимаемых ВЧК, зависит, быть может, самое бытие Советской республики»⁶. Дзержинский указывал на необходимость тесной связи в работе чекистов с Советами и различными наркоматами и другими ведомствами: «У нас должна быть ставка на местную власть».⁷ Он писал, что сотрудники органов ВЧК-ОГПУ не должны подчеркивать «прав и власти ЧК», держаться скромнее, работать под руководством губисполкомов и губкомов, «у которых вся полнота власти, а не в губчека»⁸. Более того, Дзержинский считал «вообще опасным, если губчека или ос[обые] от[делы] будут думать, что они только соль земли... Чека и особые отделы должны **объективно** сыграть громадную роль в борьбе с неурядицами. Но это возможно только тогда, если **субъективно** и даже **формально** (в правовом отношении) мы будем только слугами (а не спасителями) других ведомств. А от политики (спецы-анти-спецы, верхи-низы и т.д.) мы должны бежать».⁹ Он писал, что органы ВЧК «никогда еще не нарушали партийных директив и линии, а всегда были и есть слуга партии и борец партии»¹⁰; «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции».¹¹

Руководитель ведомства безопасности внушал своим подчиненным необходимость слаженной работы с партийными комитетами. 4 апреля 1921 г. Ф.Э.Дзержинский и В.М. Молотов подписали циркулярное письмо, в котором указывалось: «Председатель и члены коллегий ЧК со своей сторон должны держать губкомы в полном курсе своей работы, делать им периодически доклады, информировать о получаемых заданиях из ВЧК, строго согласовать свою работу с директивами ЦК РКП, получаемыми губкомы, кои информируют о таковых председателей губчека.

Губкомы и губчека должны составлять одно целое в деле своевременного предупреждения и пресечения контрреволюционных выступлений в обслуживаемом ими районе. Только при такой тесной связи как между собой, так равно и с центром можно будет считать успех обеспеченным.

ЦК РКП и ВЧК предлагают немедленно после получения этого письма приступить к проведению в жизнь намеченных в нем мер и обо всем, что будет предпринято губкомом губчека в этом направлении, ставить в известность ЦК и ВЧК»¹².

Внимание к тесной работе административной и партийной структур было необходимо потому, что зачастую чекисты не доверяли друг другу и коммунистам-руководителям и принимали решения самостоятельно, без учета мнения парткомов. Например, в Киеве особый отдел вел агентурное наблюдение за сотрудниками ЧК.¹³

Конечно, руководители центрального аппарата партийных и советских органов стремились устранять возникавшие недоразумения и нарушения партийных директив. В циркулярном письме органам ВЧК от 2 декабря 1921 г., подписанном Дзержинским, подчеркивалось: «ЧК никоим образом не может вовлекаться в склоку, иногда имевшую место в партийных и профсоюзных организациях, и становиться на сторону одной части против другой, попадая в плен к своим, часто недобросовестным или односторонне заинтересованным осведомителям-информаторам.

Задача ЧК-борьба с врагами рабочих и крестьян и контрреволюционными партиями в целом. Если в ЧК поступают сведения о неблаговидных действиях того или другого коммуниста, занимающего ответственный пост, ЧК обязана сейчас же сообщить об этом в партийный комитет или в Бюро ЦК, испрашивая указаний и предоставляя партии дать делу надлежащее направление...»¹⁴

В приказах ВЧК-ОГПУ было обращено внимание на неукоснительное исполнение партийных решений под руководством парткомов, как важнейшего условия выполнения ими своих служебных обязанностей: «Чекист может только тогда быть борцом за дело пролетарское, когда он чувствует на каждом шагу себе поддержку со стороны партии и ответственных перед партией руководителей»¹⁵. Председатель ВЧК-ОГПУ постоянно подчеркивал: «Мы держимся только на доверии партии». Отсюда задача – «не отрываться от партийных комитетов»¹⁶.

Место ВЧК в механизме диктатуры пролетариата было определено постановлением СНК РСФСР от 7/20 декабря 1917 г. И лишь после Гражданской войны деятельность органов безопасности стала постепенно вводиться в конституционные рамки, но партийные приоритеты в руководстве ВЧК-ОГПУ не были отменены. И не случайно через десятки лет в совершенно секретном «Положении о КГБ при СМ СССР», которое было утверждено Президиумом ЦК КПСС, введено в действие постановлением СМ в январе 1959 г. и продолжало действовать до середины 1991 г., место КГБ в политической системе СССР определялось следующим образом: «Комитет Государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы не местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия коммунистической партии и правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственной границы СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства... Комитет Государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС»¹⁷.

Такой «двойной» политико-правовой статус вполне соответствовал сложившейся системе политического режима и методам руководства. Он не был чем-то характерным только для органов ВЧК-ОГПУ. Любая государственная структура создавалась с согласия партии и

«по воле партии», и была пронизана ее элементами, начиная от низового и вплоть до центрального звена. В любом подразделении была первичная партийная организация (ячейка), которая отвечала за его деятельность и осуществляла постоянный партийный контроль. И «политическая линия, – отмечал не раз Председатель ВЧК-ОГПУ, – определяется для нас не в наших группах, а в рамках общепартийной организации»¹⁸. Он рассматривал органы безопасности как важную составную часть партии. «Наши ЧК на местах – это отражение наших местных партийных сил. Улучшить ЧК – это значит усилить губком, перед которым губчека, как ВЧК перед ЦК, отчитываются»¹⁹.

Следовательно, органы безопасности занимали особое место в советской политической системе, постепенно становясь все более сильным инструментом власти большевиков.

Как спецслужба советского государства, ВЧК была призвана противодействовать открытым и скрытым угрозам, представлявшим опасность для интересов молодого государства со стороны иностранных спецслужб и организаций, как внутри страны, так и за рубежом, а также преступными посягательствами отдельных лиц.

О состоянии территориальных органов ВЧК в разгар Гражданской войны свидетельствует обстоятельный анализ Дзержинским работы чекистов и, в частности, М.Я. Лациса 22 июля 1919 г. в Украине. Здесь и оторванность от центра, «самостийность» молодых Советских республик, неумение руководителей четко оценить политическое положение региона и др.: «... К Вам у нас претензия (если так выразиться) совсем с иной стороны. Прежде всего, мелочь. На наш запрос о расстрелянных профессорах -только запрос– Вы ответили об усах и бороде. Запрос свой мы сделали по поручению ЦК. Затем самое существенное: по отношению к нам Вы стали самостийником – стали такими объективно. Что Вы делали, мы не знали, связи с нами постоянной не поддерживали. К нам за помощью и указаниями в борьбе с самостийностью не обращались. Позволяли без нашего ведома вводить нововведения и реорганизацию. Не ища и не имея у нас поддержки, Вы не в состоянии были бороться с расхлябанностью и прожектерством – украинских советских учреждений. – Имея опору (да и то какую?) только у украинских властей, Вы не могли быть достаточно решительным и твердым. Будучи в очень трудных и тяжелых условиях, Вы не совещались с нами, какую повести линию, чтобы опереться на более широкие слои населения и не быть так блестяще изолированными (ЧК). Наконец, я думаю, ЧК на Украине, как в свое время у нас в Великороссии ЧК губернские, должны быть органом центра, и задачей ВУЧК было быть проводником политики ЦК РКП на Украине... Сейчас положение военное таково, что если мы не пересилим срочно самостийности наших окраинных республик и не введем всюду максимальную экономию и быстроту, что достигается дисциплиной и подчинением единому центру, если не устраним зуда изобретения Америки и пороку, то вряд ли осилим раз навсегда денкинцев. Я лично полагаю, что нашим несчастьем это то, что все Совнаркомы и друг. правительств. органы окраинных республик – принимали себя серьезно, как будто бы они могли быть державными правительствами. Сколько в этом митрофанства и узости политической. Пока кончаю. На днях ЦК будет рассматривать украинский вопрос. Шлите нам материалы о к.-р и шпионаже...»²⁰.

После Гражданской войны наряду с решением задач по борьбе со спецслужбами противника и врагами советской власти Ф.Э. Дзержинский обратил внимание на участие органов ВЧК-ОГПУ в восстановление и развитие народного хозяйства страны. 23 февраля 1921 г. он писал К.М. Карлсону: «Сейчас мы переживаем самое критическое время, и нужно нам собрать все силы для преодоления кризиса. Основа всего – хозяйственная разруха (нищета) и отсутствие непреклонной воли в рабочем классе и партии преодолеть ее. Значит, наша задача – задача чекистов, людей дела и неутомимой воли – все силы направить на борьбу с этой разрухой. Из-за недостатка топлива замирает вся жизнь, все разваливается, и вся страна почти голодает»²¹.

Проблему совершенствования советской политической системы. Дзержинский рассматривал широко. Ему были хорошо известны ее достоинства и недостатки. Как человек, бывший председателем ВЧК, ГПУ, ОГПУ, наркомом внутренних дел и путей сообщения, и, наконец, председателем ВСНХ, он хорошо видел место и роль ведомства безопасности, считая, что невозможно улучшение его функционирования без коренной перестройки всей системы государственного управления.

В марте 1923 г. на вопрос: «Чем должен быть госаппарат в нашем пролетарском государстве?» – ответил: «...аппаратом власти рабочих и крестьян против капиталистов и империалистов, осуществляющем союз пролет. гос[ударства] с крестьянством, удовлетворяющем его нужды и потребности и сигнализирующим[ующим] своевремен[енно] все то, что может нарушить этот союз; он должен быть дешевым» и аппаратом защиты Красной Армии»²².

Чтобы госаппарат стал таким, следовало решить многое задачи, прежде всего избавиться от бюрократического централизма. Ранее 6 сентября 1923 г. Дзержинский писал в Политбюро ЦК РКП (б): «Бюрократический централизм заедает не только НКПС, но и все другие ведомства и даже коснулся и партии, и профсоюзов. Все центральные учреждения пытаются в Москве все знать и всем из Москвы непосредственно управлять. Требуют с мест миллионы справок и сведений и на местах только занимаются, что собирают эти сведения и пишут, а для работы нет времени. В центре же не читают этих сведений (в лучшем случае читают канцеляристы) и пишут инструкции и распоряжения, которые проходят миллионы рук начальства, а исполнителей не видать, те должны писать справки и посылать их, как материал для новых инструкций. При этом каждое ведомство конкурирует с другим, старается другого уличить, обвинить и получается то, что воз топчется на месте.

Выход один – радикальный – произвести сокращение самых ответственных и просто ответственных работников в центре на 50 проц. во всех советских и партийных, и союзных органах и послать их на места для работы»²³.

В черновых заметках 1923 г. он пишет не только о бюрократическом централизме и сокращении госаппарата, но и о его удешевлении, преодолении ведомственности, отказе от мелочного контроля и борьбе с «комчванством»²⁴.

Он нисколько не приукрашивал положения в руководимом им ведомстве, которому присущи те же недостатки. Об этом можем судить по его письму от 5 апреля 1923 г. Г.И. Благонравову: «Мы все говорим о госаппарате, а у нас самих очень неблагополучно. Раздутие штатов величайшее – только в скрытом виде – «хоз. расчет», т. е. сплошные надувательство и очковтирание. Наша «децентрализация», разгрузка Центра – ни – черта не сократила аппарат. Бюрократизм ничуть не уменьшился. Волокита и бумагомарание то же. Надо этим всерьез заняться не в ударном порядке, а систематически, постоянно и сделать эту задачу главной работой...»²⁵.

Какой представлял себе Дзержинский всю советскую систему управления, видно из странного его письма В.В. Куйбышеву 3 июля 1926 г. «Существующая система – пережиток. У нас сейчас уже есть люди, на которых можно возложить ответственность. Они сейчас утпают в согласованиях, отчетах, бумагах, комиссиях. Капиталисты, каждый из них имел свои средства и был ответственным. У нас сейчас за все отвечает СТО и П/бюро. Так конкурировать с частником и капиталистом и с врагами нельзя. У нас не работа, а сплошная мука. Функционально комиссариаты с их компетенцией это паралич жизни и жизнь чиновника – бюрократа. Именно из этого паралича не вырвемся без хирургии, без смелости. Это будет то слово и дело, которого все ждут. И для нашего внутреннего партийного положения – это будет возрождение. Оппозиция будет раздавлена теми задачами, которые партия поставит. Сейчас мы в болоте. Недовольства и ожиданий кругом всюду. Даже внешнее положение очень тяжелое. Англия все больше и больше нас окружает сетями. Революция там еще не скоро. Нам нужно во что бы

то ни стало сплотить все силы около партии. Хозяйственники тоже играют большое значение. Они сейчас в унынии и растерянности. Я лично и мои друзья по работе -тоже «устали» от этого положения. Невыразимо. Полное бессилие. Сами ничего не можем. Все в руках функциональ-ников Шейнмана и Фрумкина. Так нельзя. Все пишем, пишем, пишем. Нельзя так. А вместе с тем величайшие перед нами проблемы, для них нет у нас времени и сил. Муссолини вводит 9-часовой рабочий день, говорит: «Я знаю моих итальянцев, если призову, будут работать 10 часов». А у нас – мы знаем наших рабочих -при 8 часовом дне будут работать 5-6. Прогуливать будут до 30% И наши профсоюзы спят. Не находим общего языка. Согласуем. Как же можно драться будет и подготовиться к защите».

Дзержинский писал, что кроме вопросов управления надо серьезно поставить и разрешит вопрос о дисциплине труда, кооперации, частнике и спекуляции и о местничестве, а «у нас сейчас нет единого мнения и твердой власти. Каждый комиссариат, каждый зам. и пом. и член в наркоматах – своя линия! Нет быстроты, своевременности, правильности решений...»²⁶.

В условиях ожесточенной классово-й борьбы, подрывной деятельности спецслужб других государства чекистские органы могли успешно справляться с возложенными на них обязанностями только при всесторонней согласованности своих действий с действиями остальных частей госаппарата. И Дзержинский обращало много внимания на регулирование соподчиненности всех звеньев советской политической системы, в особенности между теми, от которых в большей степени зависел успех обеспечения правопорядка. Отношение органов безопасности с различными ведомствами регламентировалось высшими органами власти и управления.

Чаще всего председателю ВЧК-ОГПУ приходилось решать спорные вопросы с руководителями НКВД, НКЮ, НКПС и ВСНХ. Обратим внимание на то, что они касались в большей мере или карательной политики, или проблем экономики.

Эта проблема обстоятельно рассматривается во всех главах книги. Здесь же речь пойдет лишь о согласованной работе с некоторыми ведомствами.

Первые месяцы чаще всего несогласованность была между ВЧК, НКВД и местными советами. Так, летом 1918 г. Иногородний отдел ВЧК получил много сведений о трениях, возникших между местными органами власти и ЧК. Поэтому 29 августа 1918 г. Дзержинский и заведующий Иногородним отделом В.В. Фомин нашли нужным указать всем ЧК на необходимость тесного контакта со всеми местными органами власти, «указав последним, что чрезвычайные комиссии в своей работе, несомненно, автономны и должны беспрекословно исполнять все распоряжения, исходящие от ВЧК как высшего органа, коему они подведомственны.

Советам же чрезвычайные комиссии только подотчетны, но ни в коем случае советы или какие-либо отделы его не могут отменять или приостановить распоряжений чрезвычайкома, исходящих от ВЧК». Иногородний отдел предложил им строго руководствоваться настоящим приказом, что позволит устранить возникавшие так часто трения»²⁷.

6 сентября 1918 г. на заседании коллегии НКВД с участием Дзержинского был заслушан вопрос «О наблюдающихся случаях несогласованности между органами уголовного розыска, милиции и транспортными чрезвычайными комиссиями в районе бывшей Северной области». Было решено предложить Главному управлению милиции подтвердить инструкции о взаимоотношениях и согласовании действий железнодорожной милиции и ТЧК совместно с отделом Главмилиции.²⁸

14 ноября 1918 г. на заседании Коллегии НКВД состоялось обстоятельное обсуждение доклада Г.И. Петровского «О согласовании действий Всероссийской Чрезвычайной комиссии и Народного комиссариата внутренних дел», который, ссылаясь на постановление Президиума ВЦИК о ВЧК и ее взаимоотношениях в работе с НКВД, отметил общую цель в борьбе с контрреволюцией как ВЧК, так и НКВД, предложив «немедленно установить контакт в работе между обоими учреждениями».

Основываясь на принципиальном решении Президиумом ВЦИК вопроса о взаимоотношениях ВЧК и НКВД, Дзержинский внес предложение приступить к детальному развитию и проведению в жизнь этого постановления. Он считал, что необходимая связь между двумя организациями может решаться следующим образом: председатель ВЧК должен как член коллегии НКВД участвовать в заседании коллегии этого ведомства; представители от НКВД должны входить в ВЧК – Контрольно-ревизионную комиссию, в Президиум, общее собрание комиссии и в ее Иногородный отдел (меры намечаются пока лишь до предполагаемой реорганизации ВЧК).

Выступление М.Я. Лациса касалось работы прифронтовых ЧК, Он говорил, что их работу нельзя отделить от работы исполкома. «Дело выиграло бы, если бы чрезвычайных комиссий как таковых не существовало, а чрезвычайные комиссии, присоединив к себе милицию, составляли бы самостоятельный отдел ИК». И.С. Уншлихт предложил приступить к разработке инструкции, которая бы детально разграничила функции работы ВЧК, НКВД и НКЮ, для этого создать комиссию, которая при подготовке инструкции руководствовалась бы постановлением Президиума ВЦИК. Смирнов, присоединился к мнению Уншлихта и наметил практические указания для комиссии. По его мнению, комиссия должна в инструкции, прежде всего разработать вопросы: о использовании ЧК милицией, порядке финансировании и инструктировании ЧК.

Дзержинский предложил высказать членам Коллегии свое мнение о порядке финансирования и инструктирования, а для разработки остальных вопросов избрать представителя в комиссию.

Уншлихт счел необходимым не ограничиваться при выработке инструкции лишь этими тремя вопросами, а наметить общую границу в работе ВЧК и НКВД, включив в нее и указанные три вопроса.

После обсуждения Коллегия НКВД постановила: 1) о смете ЧК – она должна решаться в Финансовом отделе НКВД под руководством и в согласии с ВЧК; 2) для разграничения функций в работе НКВД и ВЧК, а также о пользовании ЧК милицией подготовить инструкцию, которая должна быть выработана комиссией в составе представителей ВЧК и НКВД: Уншлихта и Тихомирнова; представителем в Контрольно-ревизионную комиссию, Президиум и на общее собрание ВЧК избрать Лациса, а в его отсутствие – Уншлихта с правом решающего голоса.²⁹

16 ноября 1918 г. решением СНК в состав Коллегии НКВД введены чекисты Ф.Э. Дзержинский, М.Я. Лацис и М.С. Урицкий³⁰.

В июне 1919 г. для установления более тесного контакта между территориальными органами милиции и ЧК на основании резолюции 2 Всероссийской конференции губЧК, ВЧК предложила: в коллегии местных отделов управления ввести председателей ЧК; в коллегии губернских и уездных ЧК ввести заведующих губернскими и уездными управлениями милиции, «добываясь чтобы во главе милиции стояли испытанные коммунисты»; «там, где в милиции не имеется надежных руководителей местным ЧК выделять из своей среда испытанных товарищей в качестве кандидатов на эти руководящие посты, в частности, на должность зав. уголовно-розыскными отделениями»; включать в местные уголовно-розыскные отделения опытных чекистов, «содействуя реорганизациями этих учреждений и постепенно передавая в их ведение часть функций, лежащих ныне на ЧК в области борьбы со спекуляцией, должностными преступлениями и т.п.; вводить в местные ТЧК в качестве членов коллегии заведующих губернскими, уездными или участковыми отделами железнодорожной милиции»³¹.

2 января 1921 г. Дзержинский писал Апетеру о запросе губЧК в губисполком о том, что сделано по санитарии Астрахани – «Необходимо разъяснить губчека, что она не имеет права запрашивать т. обр. губисполком, которому губчека подчинена. Губчека должна была,

по имеющимся у нас сведениям, донести в губисполком и просить указаний для себя. Копию этого разъяснения надо направить и в губисполком. Текст прошу прислать мне для подписи»³².

Вопросы тесного взаимодействия как бы отпали сами собой после назначения Дзержинского наркомом внутренних дел. Со сменившим его А.Г. Белобородовым возникало много конфликтов и часто их приходилось решать высшим партийным и советским органам.

С 1924 г. для решения конкретных задач в процессе работы органы НКВД – милиция и уголовный розыск – были подчинялись в оперативном отношении ОГПУ. Так, 29 января Дзержинский внес в Политбюро ЦК РКП (б) предложение о расширении прав ОГПУ, предоставление ему особых полномочий и подчинения в оперативном отношении милиции и уголовного розыска. «...Одна из причин недостаточных успехов борьбы с бандитизмом, – писал он, – это формализм и волокита наших судов и несогласованность действий уголовного розыска, милиции и органов ГПУ. Поэтому вношу предложения:

1. Руководство борьбой с бандитизмом, как политическим, так и уголовным, как в городе, так и в деревне, возложить на ОГПУ и его местные органы.

2. Для этой цели подчинить оперативно ОГПУ органы уголовного розыска и милиции.

3. Предоставить право ОГПУ внесудебного разрешения дел по обвинению в бандитизме не только лиц, захваченных с оружием, но и вообще принимающих участие в бандитизме.

4. Поручить ОГПУ разработать и срочно провести план освобождения крестьянского населения от обирающих его бандитов, включая в это число и конокрадов»³³. Предложения Дзержинского были одобрены.

Но самыми сложными были все же отношения ведомства безопасности с НКЮ, НК РКП и ЦКК РКП (б), где вырабатывалась не только судебная и внесудебная политика, но и осуществлялся контроль за работой сотрудников ВЧК-ОГПУ. И так было с первых дней образования ВЧК.

18 декабря 1917 г. ВЧК арестовала группу членов контрреволюционного «Союза защиты Учредительного собрания», пытавшихся самочинно, вопреки декрету Совнаркома от 26 ноября 1917 г.³⁴, открыть «заседание» Учредительного собрания. СНК решил задержать арестованных до выяснения их личности. Вместо того, чтобы выполнить решение СНК, нарком юстиции левый эсер И. З. Штейнберг и член коллегии НКЮст В.А. Карелин освободили всех арестованных, не поставив в известность об этом ВЧК. Это являлось нарушением принятого левыми эсерами обязательства проводить советскую политику. На следующий день СНК своим постановлением за подписью В.И. Ленина и И.В. Сталина признал, что какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского, как и Следственной комиссии при Петроградском Совете, Военно-морской следственной комиссии и Комитета по борьбе с пьяными погромами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в СНК, а не единоличными распоряжениями комиссара юстиции.

СНК также признал, что освобождение арестованных в ночь с 18 на 19 декабря/ с 1 на 2 января 1918 г. Штейнбергом и Карелиным было и формально, и по существу дела неправомерным, так как противоречило не только правам комиссии Дзержинского, но и прямому решению СНК, принятому вечером 18 декабря 1917 г. о задержании арестованных для выяснения личностей³⁵.

Вопрос о взаимоотношениях между НКЮ с ВЧК и другими следственными комиссиями снова был заслушан на заседании СНК 21 декабря 1917 г. по докладу Штейнберга.

В начала 1918 г левые эсеры потребовали включения их представителей в состав ВЧК. Дзержинский выступил с предложением, чтобы ЦК левых эсеров делегировал своих работников только после предварительного утверждения кандидатур СНК. 7 января 1918 г. СНК обсудил «Конфликт Комиссариата юстиции с Всероссийской комиссией по борьбе с контрреволюцией по вопросу о пополнении этой комиссии». Был заслушан доклад Дзержинского о

недопустимости системы пополнения ВЧК выбором новых ее членов партией левых эсеров, которую предложил Штейнберг. Вопреки мнения Дзержинского СНК поддержал эсеров, признав «желательным преобразование комиссии в том смысле, чтобы назначить товарищем председателя Чрезвычайной комиссии членов от фракции левых с.-р». Кандидаты в члены ВЧК должны утверждаться СНК.³⁶

После мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г. они были выведены из состава ВЧК во всех ее структурах. Но отношения с НКЮ не стали лучше. Те же конфликты и споры. 15 ноября 1921 г. СНК вновь вернулся к этому вопросу, поручив «разработку норм, регулирующих взаимоотношения ВЧК и НКЮста, поскольку их деятельность соприкасается, в частности, нормы об установлении надзора НКЮста за следственным аппаратом ВЧК – комиссии в составе тт. Дзержинского, Каменева и Курского. Срок работы комиссии – двухнедельный. Доклад за т. Дзержинским и т. Курским. Созыв комиссии поручить т. Дзержинскому».³⁷ Комиссия работала вплоть до реорганизации ВЧК.

14 сентября 1922 г. Дзержинский предложил З.Б. Кацнельсону и А.И. Свицерскому подготовить программу взаимодействия и установления повседневного делового контакта между ЭКУ ГПУ и НК РКИ, «преодолев как с этой, так и с другой стороны ведомственную конкуренцию. Для этого необходимо уяснить себе положение и компетенцию, и цели, и задачи как Эк. упр., так и РКИ, установив работу дополняющую, совпадающую и соприкасающуюся и выработать как центральное соглашение так и по отдельным отраслям для устранения всяких трений и параллелизма. Взаимную вражду надо преодолеть. Прошу Вас представить т. Свицерскому весь необходимый материал и свои соображения, предварительно лично доложив мне».³⁸

В препроводительном письме Дзержинский писал, что ему необходимы дополнительные материалы для подготовки доклада в ЦК РКП(б) и просил прислать их в кратчайший срок.

Особое внимание председатель ГПУ обратил на борьбу с мелкобуржуазной стихией, указав, что ее ведут специальные три ведомства: НК РКИ, НКЮ и ГПУ. При этом первые два оторваны от хозяйственной жизни, находятся «вне ее текущего процесса и в одной части, в большей своей части, составленные из тех же враждебных и чуждых советскому строю элементов, зараженных убийственным формализмом (это одна из форм буржуазной психологии и вместе с тем орудие борьбы буржуазных элементов)», а ГПУ, хотя и состоит из преданных делу коммунистов, но не имеющих понятия о хозяйственных вопросах вообще, о том, что такое наш НЭП вообще и наш государственный капитализм, в частности, а потому решающие вопросы борьбы с преступностью «вне времени и пространства без всяких хоз. перспектив». И борьба этих органов, как правило, ведется не только без помощи и поддержки хозяйственных органов, но чаще при явной или скрытой вражде. Поэтому никакого успеха в этой области: аппараты не улучшаются, преступления увеличиваются, государственное имущество расхищаются, «все достижения идут на кормление и усиление этой враждебной нам среды – государственных чиновников».

«Борьба с этой частнособственнической стихией, держащей в руках все наши административные и хозяйственные аппараты, – далее отметил Дзержинский, – возможна лишь при условии сознания этой опасности и сознания необходимости этой борьбы с не меньшим напряжением, как борьбы с Деникиным, Колчаком и другими генералами, как борьбы с с.-р., меньшевиками и всей прямой контрреволюцией. Это должна осознать вся наша партия вообще и те в первую очередь, кому вручено руководство и управление хозяйственной жизнью страны. Призыв т. Ленина в его статье от 2 марта² не должен быть сужен к частичному вопросу об организации РКИ и ЦКК, он должен стать знаменем и душой всей работы нашей партии и всех

² В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»

ее ячеек в советских аппаратах. Ибо разрешение вопроса госаппарата – есть вопрос существования рабоче-крестьянской России».

Дзержинский рассматривал утверждение государственного капитализма как одну из важнейших форм борьбы с мелкобуржуазной и «чиновничьей стихией», чтобы «ее знания, опыт и воля – построили нам дело. Такая борьба может быть успешной лишь при планомерном ее проведении, при тонкой, обдуманной стратегии, рассчитанной на расслоение и привлечение противников, рассчитанной на долгое время, при неприменном руководящем участии всей партии. Придумать рецепты борьбы нельзя, методы ее и содержание, и формы могут вырабатываться и видоизменяться лишь в процессе самой жизни и борьбы при едином руководстве нашей партии и при ясном, сознании целей и необходимости самой борьбы».

Учитывая важность этой проблемы, Дзержинский предложил решить ее на очередном партийном съезде, преодолев два опасных уклона: «бей спеца и чиновника» («нэп – это капитуляция перед буржуазией») и «не трогай их» (без них гибель («нэп – это помощь милой, примирившейся уже буржуазии»)).

Свои рассуждения Дзержинский заканчивает практическими предложениями, суть которых сводится к следующему: каждое ведомство и каждый хозяйственный орган, каждая хозяйственная и административная единица при участии РКИ, ЦКК, ГПУ, Госплана и НКФина на основе обобщенных материалов намечает систему и план борьбы, сформулировав точно ее цель, который реализует руководитель данного ведомства и хозяйственного органа. – «Без его согласия аресты и привлечение к следствию его сотрудников по делам, связанным с этой борьбой, не допускаются»; план борьбы должен быть гласный, чтобы привлечь в нее всех, кто понимает ее необходимость, его выполнение рассматривается на периодически созываемых совещаниях; при СТО создать центральный орган, объединяющий борьбу всех ведомств и осуществляющий подбор хозяйственников, устраняя и заменяя тормозящих эту работу. Главная задача НК РКИ – изучение основных дефектов данного ведомства или органа и выработка мер их преодоления, обратив, прежде всего внимание на оценку работы и подбор руководящего состава; главная задача ГПУ – «информация руководителей органов путем личных и письменных докладов о том, что у них есть, и беспощадная борьба под руководством и по указаниям главы ведомства»; главная задача НКЮ и прокуратуры – осудить тех, кто хозяйственными органами передан в распоряжение НКЮста для этой цели. «В систему мер воздействия и покорения себе чиновничества, – считает Дзержинский, – необходимо ввести беспощадное уничтожение преступлений и бесхозяйственности по намеченной системе и плану (определенные кампании с широким оповещением и предупреждением) путем изъятия и наказаний (вплоть до террора). Эти изъятия необходимы и для воздействия на трудолюбие и производительность труда остающихся, и для сокращения массы чиновничества – голое сокращение в одном месте даст увеличение в другом. Изъятим чиновничеством следует колонизировать Север и безлюдные и безинтеллигентские местности (Печера, Архангельск, Туруханск)». Все аресты и предание суду должны производиться лишь в том случае, если предрешено, что данное лицо вредно для производства и оно должно быть изъято навсегда, так как нет нужды его попробовать исправить и подчинить делу путем прощения. Вместе с тем необходимо оказание всемерной помощи и поддержка честным хозяйственникам, которые сознают свои ошибки, руководя, учатся делу; на руководящие посты выдвигать и специально готовить рабочих и коммунистов с большим революционным стажем и организаторскими способностями, «не потерявших связи с подлинным заводским пролетариатом и крестьянством».

В числе других мер Дзержинский предложил следующее: объединение в каждой хозяйственной единице «группы работников – патриотов дела – коммунистов вместе с беспартийными для поднятия и создания производственной этики и общественного мнения»; изучение причин роста и уровня преступлений и бесхозяйственности; поднятие при максимальном сжатии аппаратов жалования до реального прожиточного уровня и борьба с подкупом специ-

алистов «путем безумно высоких ставок», потому что эта система не примирила их с советской властью, а породила чувства безответственности и безнаказанности и презрения к ней. Поэтому «вся борьба должна иметь в виду: создание советского аппарата и хозяйства. Максимальную дешевизну и сокращение аппаратов при максимальной четкости и быстроте работы и достижениях в деле, уничтожение преступлений, максимум материального накопления в пользу Советского государства»³⁹.

Находясь на посту председателя ВСНХ, Дзержинский 8 февраля 1924 г. писал одному из своих заместителей Ю.Л. Пятакову о том, что делами ВСНХ занимаются многочисленные посторонние учреждений и лица, теряя время и «почти без пользы для дела». При этом, дела, возникающие в по Экономическому управлению ОГПУ проходят согласование с ЦК и ЦКК РКП (б), НК РКИ, НКЮстом, для этого создаются различные комиссии, но в меньшей мере согласовываются с ВСНХ. А «при правильных взаимоотношениях между ВСНХ и ГПУ не надо было бы втягивать других, устранились бы в максимальной степени ошибки и волокита и была бы гарантирована в необходимых случаях быстрота действий». Поэтому Дзержинский предложил установить следующий порядок: о всех имеющихся и возникающих крупных делах, как агентурных так и следственных, а также о составленных докладах по делам, касающимся ВСНХ, ЭКУ ОГПУ, предварительно докладывает ему «для определения дальнейшего направления»; при необходимой ревизии учреждения ВСНХ для проверки создается специальный орган из представителей: Президиума ВСНХ, ревизионной комиссии ВСНХ, ЭКУ ОГПУ и, если нужно, от РКИ и ЦКК; ЭКУ ОГПУ периодически докладывает руководителям ВСНХ о всех крупных делах для окончательного по ним решения; поручить поддержание постоянной связи между ВСНХ и ОГПУ Юлину и Кацнельсону⁴⁰.

Во взаимоотношениях с другими наркоматами следует особо остановиться на НКИДе и НК Внешней торговли, потому что многие вопросы особенно внешней разведки ведомство безопасности решало через них. Заметно стремление Дзержинского не только быть в курсе всего происходившего в каждом из них, но и влиять на руководство. Для улучшения работы этих наркоматов 24 марта 1920 г. в записке Ягоде он рекомендовал ИНО и ЭКУ ВЧК «целиком заняться» НКИДом и подобрать сотрудников для Внешторга, поручив это Юровицкому, Ихновскому и сотрудникам МЧК. – «Эту работу надо считать ударной. Образовать для этого группу. Привлечь можно Сосновского, найдется много охотников. Вам бы составить план кампании. Привлечь к работе Кизельштейна и по его указанию⁴¹. На следующий день в ВЧК состоялось совещание по этому вопросу и председателю ВЧК сообщено о принятых мерах для реализации его предложений.

Отношения с НКИДом, по признанию Дзержинского, оставались не только сложными, но в середине 1920-х годов стали враждебными. 8 февраля 1925 г. Дзержинский писал Трилиссеру о том, что необходимо регламентировать их специальным постановлением Политбюро ЦК РКП (б) и затем строго придерживаться установленных правил. Его не устраивало сложившееся положение «в таком виде, как до сих пор..., ибо от этого неслышанно страдают интересы государства. НКИДел является руководителем и проводником внешней политики СССР и единственным представителем СССР для других государств». Особенно председателя ОГПУ беспокоило то обстоятельство, что отношения ОГПУ и НКИД «дезорганизуют престиж советской власти в глазах заграницы, а нас обрекают на полное бессилие». Он считал «вредным для государства» пассивное отношение сотрудников НКИДа к использованию результатов работы и материалов ИНО и КРО ОГПУ.

При выработке мер по налаживанию нормальных отношений Дзержинский согласился с критикой, прозвучавшей на заседании комиссии В.В.Куйбышева и в Политбюро ЦК РКП(б), обсудившей работу НКИД и ОГПУ. В частности, с заявлением М.М. Литвинова: аресты иностранцев происходят без предупреждения НКИДел; обыски и аресты иностранцев недоста-

точно обоснованы; незаконный отказ в визах иностранцам на выезд; не судить в ГПУ иностранцев; более полное определение понятия «экономический шпионаж»; урегулирование вопроса о материалах ИНО – посылка через полпредов; запросы НКВД остаются без ответа или даются неверные ответы, что в результате дискредитирует не только НКВД, но и СССР.

Последнее Дзержинский назвал самым тяжелым обвинением, «все острие его против нас. В. Ильич нас за это бы раскассировал. И в результате мы организуем против себя всех и даем повод иностранцам поднять кампанию, что в СССР всем правит ГПУ. Политически это опаснейший результат. Он дает возможность врагам СССР делать ОГПУ организующим элементом интервенции и контрреволюции».

Для решения конкретных вопросов с НКВД, Дзержинский предложил иметь в ОГПУ «особого уполномоченного, целиком отвечающего за это, а не так как сейчас, когда неизвестно, кто наблюдает и отвечает, как в вопросе об обмене с поляками» и поручил представить ему проект регламентации отношений, основанных на постановлениях комиссии Куйбышева, Политбюро и других.⁴²

Следовательно, в условиях ожесточенной классовой борьбы, подрывной деятельности спецслужб других государства чекистские органы могли успешно справляться с возложенными на них обязанностями только при всесторонней согласованности своих действий с действиями остальных частей госаппарата.

Органы ВЧК-ОГПУ стали одной из важнейших структур государственного аппарата, максимально приспособленными для проведения в жизнь решений партии большевиков. Как составная часть механизма советского государства, они строили свою практическую деятельность на основе ее единых теоретических принципов и политики. И Ф.Э. Дзержинский обращал много внимания на регулирование соподчиненности всех звеньев советской политической системы, в особенности между теми, от которых в большей степени зависел успех обеспечения государственной безопасности. Отношение органов ВЧК-ОГПУ с различными ведомствами регламентировалось высшими органами власти и управления. Все изменения шли с учетом процесса укрепления госаппарата в целом и его отдельных звеньев, разграничения и уточнения их функций.

Ссылки:

1. *Бердяев* Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 99.
2. Сталин И.В. Соч. Т.5.С.71; Т.6.С.241; Т.10.С.234; Т.13.С.158.
3. ЦАФСБ. Ф.2.Оп.1.Д.1.Л.10.
4. Саква Р. Переосмысливая «военный коммунизм». /Гражданская война в России: перекресток мнений. С.156.
5. Постановления Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б): повестки дня заседаний. Т.1. 1919-1929. С.115,151,289,296,298,308,414, 629.
6. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т.1.С.172.
7. Пограничник.1975.№18.С.15.
8. РГАСПИ.Ф.76.Оп.3.Д.134.Л.5.
9. Там же.
10. Сб. статей Главного и Политического управлений пограничных войск КГБ СССР. 1986. № 6.С.54.
11. О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1997. С.94.
12. Из истории ВЧК. С. 437-438.
13. ЦАФСБ.Ф.1.Оп.5.Д.26.Л.13-13об.

14. Государственный архив социально-политической истории Санкт-Петербурга (ГАС-ПИСП). Ф.16.Оп.1.Д.375.Л.7.
15. ЦАФСБ.Ф.6.Оп.1.Д.104.Л.521.
16. РГАСПИ.Ф.76.Оп.3.Д.19.
17. Власть.2004.№ 22.С.66-67.
18. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т.1.С.159.
19. ЦАФСБ.Ф.1.Оп.4.Д.95.Л.7.
20. Там же. Оп 3.Д.50.Л.8-12.
21. РГАСПИ.Ф.76.Оп.3.Д.159.Л.5-6.
22. Там же. Оп.2. Д.16.Л.138-139.
23. Там же. Д.156. Л.136.
24. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. С.389.
25. РГАСПИ.Ф.76.Оп.2.Д.98.Л.24.
26. Там же. 2.Д.270.Л.31-32.
27. ЦАФСБ. Ф.66. Оп. 1.Д. 87.Л. 8.
28. ГАРФ.Ф.1235.Оп.93.Д.91.Л.9-10.
29. Там же. Л.1. 3-4.
30. Там же. Ф.130.Оп.1.Д.1.Л.3.
31. ЦАФСБ.Ф.66.Оп.1-Т.Д.2.Л.71.
32. Там же. Ф.1. Оп.5.Д.1180.Л.10.
33. РГАСПИ.Ф.76.Оп.3.Д.294.Л.2.
34. См. Декреты Советской власти. Т.1. С.159.
35. Ленин В. И.. Полн. собр. соч. Т.54.С. 384-385.
36. ГАРФ.Ф.130.Оп.2.Д.1.Л.130.
37. Там же. Оп.5. Д.46.Л.4.
38. РГАСПИ.Ф.76.Оп.3.Д.401.Л.26.
39. Там же. Оп.2.Д.16. Л.16-19.
40. Там же. Д. 255.Л.2.
41. Там же. Д. 3.Д.86.Д.1.
42. РГАСПИ. Ф.76.Оп.3.Д.349.Л.1-2.

Глава 3

Становление правового положения органов ВЧК-ОГПУ

*Мы так же должны быть и непобедимы, изворотливы и способны.
Мы должны ясно представлять те задачи, которые ясно стоят перед
нами. Мы не судьи, мы не боремся за справедливость...¹
Ф.Э. Дзержинский, 6 февраля 1920 г.*

Много внимания уделял Ф.Э. Дзержинский уточнению задач отечественных органов безопасности, более четкому определению их правового положения и функциональных обязанностей.

В правовом положении органов безопасности в 1917-1926 гг. следует различать три периода: первый (20 декабря 1917 – 6 февраля 1922 гг.) – ВЧК – орган с чрезвычайными полномочиями при СНК РСФСР; второй (6 февраля 1922 г. – 2 ноября 1923 гг.) – Государственное Политическое управление при НКВД РСФСР и других союзных республик; третий (2 ноября 1923 – до 20 июля 1926 г.) – Объединенное Государственное Политическое управление при СНК СССР, возглавлявшее борьбу с контрреволюцией в масштабе всей страны. При образовании ВЧК было установлено ее непосредственное подчинение СНК РСФСР, а в последующем – СНК СССР. Лишь короткий отрезок времени, с 6 февраля 1922 г. по 2 ноября 1923 г. органы госбезопасности организационно входили в НКВД. В последующем это было признано нецелесообразным.

По Конституциям 1918 и 1924 гг. – главным правовым документам Советской России и Советского Союза основу единой государственности РСФСР, а затем СССР образовывала система Советов. Именно Советы должны были быть воплощением государства диктатуры пролетариата, призванного проводить революционные преобразования в стране в интересах рабочих и крестьян. Как видим, налицо ярко выраженный классовый подход.

Следует иметь в виду, что все действия органов ВЧК регламентировались нормативными актами. В то время политическое руководство страны толковало право как орудие классового господства, и «государство реализовало этот принцип в революционном правосознании. Оно означало, что власть не собирается заниматься юридическими формальностями: доказательством вины, защитой и правами обвиняемых. Каждый человек мог быть арестован, заключен в тюрьму и даже казнен, если возникало подозрение, что он может оказаться хотя бы потенциально опасным для диктатуры пролетариата»².

Председатель ВЧК-ОГПУ рассматривал борьбу с противниками советской власти в широком общегосударственном плане, учил чекистов не ограничиваться изобличением и наказанием конкретных преступников, а видеть задачу органов безопасности в том, чтобы не только разоблачать провинившихся, но и устанавливая причины преступности, принимать меры к недопущению преступлений. Он выступал за неуклонное проведение в жизнь законности. Бесспорно, слово «законность» в те годы понималась лишь с добавлением еще одного важного слова «социалистическая» или «революционная». При рассмотрении проблемы законности нельзя забывать того, что ее становление происходило в годы Гражданской войны и в условиях выхода из ее состояния. Последствия классового противоборства сказывались на всех сферах жизни государства и общества. И здесь, быть может, главный ответ на многие вопросы, которые возникают при обращении к реалиям того времени. Это должно многое объяснить тем, кто старается подойти к пониманию реальностей 1917-1926 гг. с точки зрения сегодняшнего дня.

Функции ВЧК, основные направления ее деятельности и рамки полномочий определялись высшими органами власти и управления РСФСР. Председатель Президиума ВЦИК РСФСР М.И. Калинин, выступая на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, говорил, что в первые месяцы после революции решающим фактором права была вооруженная сила и лишь на следующем этапе за нею выступили чрезвычайные комиссии – один из мощных органов укрепления Советской власти³.

Для решения своих задач органы ВЧК имели адекватный объем полномочий.

Участвуя в разработке мер по искоренению преступности, Дзержинский рассматривал укрепление законности как общегосударственную задачу. Пути для достижения цели – убеждение, профилактика, общественное воздействие на правонарушителей, совершенствование юридических гарантий законности в сочетании с принуждением для исполнения правовых установлений. Он настаивал на необходимости решительной борьбы с преступностью. «Либеральное чувство жалости и абстрактной справедливости, – отмечал он в записке в ЦКК РКП⁶, – наносит огромный вред делу борьбы с преступностью, не отвечает задачам защиты классовых интересов трудящихся, разлагает неустойчивые элементы и вместо искоренения преступности, приводит к увеличению числа преступников». В то же время Дзержинский выступал против чрезмерной строгости: «Все излишние строгости, не вызываемые этой целью (изоляция для целей следствия – *Авт.*), – преступление, рождающее справедливое возмущение и новые преступления... Надо не озлоблять людей и не грешить против нашей коммунистической морали». Он учил внимательному, вдумчивому рассмотрению всех «за» и «против», умению анализировать обстановку и причины, породившие преступления, требовал советских законов.

Основными задачами ВЧК были: выявление и пресечение тайной подрывной деятельности и подавление открытых выступлений противников советской власти. Она осуществляла руководство работой местных ЧК и других подчиненных ей структур, определяла их штаты, производила назначения должностных лиц, издавала инструкции, приказы, утверждала и отменяла решения местных органов и др. При этом сначала ВЧК имела право вести лишь оперативно-розыскную работу, дознание и следствие с передачей дел после окончания предварительного следствия в судебные органы, на предприятия и в учреждения для принятия административных мер воздействия, а в последующем и право на применение мер пресечения: арестов, выемок, обысков, а также административных мер: штрафов и высылки.

В то время политическое руководство страны толковало право как орудие классового господства, и государство реализовало этот принцип в революционном правосознании. Оно означало, что власть не собирается заниматься юридическими формальностями: доказательством вины, защитой и правами обвиняемых. Каждый человек мог быть арестован, заключен в тюрьму и даже казнен, если возникало подозрение, что он может оказаться хотя бы потенциально опасным для диктатуры пролетариата.

После создания ВЧК много внимания было уделено уточнению правового положения силовых структур и судебных органов. 19 декабря 1917/1 января 1918 г. В.И. Ленин внес правку в проект постановления о компетенции НКЮ, предложенный И.З. Штейнбергом от имени левых эсеров – членов СНК: «1) Все существующие сейчас следственные комиссии (в том числе комиссия Дзержинского, Бонч-Бруевича, Козловского и военно-морская) разных наименований должны быть приведены в систему, для чего народному комиссару юстиции, народному комиссару внутренних дел и другим комиссарам, в ведении коих комиссии находятся, надлежит согласиться между собой и войти с соответственным предложением в СНК...». Постановление было принято с поправками В.И. Ленина на заседании СНК 19 декабря 1917 г.⁴

1 января 1918 г. СНК обсудил вопрос «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда». Заслушав доклады И.З. Штейнберга,

Ф.Э. Дзержинского и В.Д. Бонч-Бруевича, а также заявления В.А. Александровича, председателя Революционного трибунала Зорина и Следственной комиссии при Петроградском Совете, СНК решил упорядочить борьбу с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, сконцентрировав в ВЧК всю работу розыска, пресечения и предупреждения преступлений, а дальнейшее ведение дел, следствия и постановка дела на суд представить Следственной комиссии при трибунале. Комиссиям было рекомендовано разграничить их деятельности на подотделы – провокационный (подотдел, задача которого состояла в пресечении провокации контрреволюционных элементов), уголовный, спекуляции и контрреволюции⁵.

Решением высших органов власти соответствующими правами наделялись и создаваемые территориальные органы ВЧК. В начале 1918 г. губЧК должна была беспощадно бороться с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, вести наблюдение за контрреволюционной буржуазией, их организациями и поддерживать революционный порядок. Уездные ЧК и комиссары исполняли ту же работу по своему уезду; в волостях из волостного совета назначался комиссар, который должен совмещать в себе и комиссара милиции. Его обязанностью было недопущение контрреволюционной, погромной агитации и выступлений в своей волости, а также наблюдение за поведением кулаков, пресечение их подрывных действий. Волостные комиссары подчинялись УЧК или комиссару⁶.

Для выполнения своих обязанностей чекисты получали соответствующие документы (мандаты). Так, 9 января 1918 г. сотруднице ВЧК Е.П. Баклановой было выдано следующее удостоверение за подписью Дзержинского: «Предъявительница сего Елена Петровна Бакланова состоит агентом Контрразведывательного отдела при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров. Настоящим Е.П. Бакланова уполномочивается на задержание всякого рода контрабанды, следующей за границу, почему прошу, как военных, так и гражданских властей оказывать ей при исполнении обязанностей службы всякое законное содействие, что подписью с приложением печати удостоверяется»⁷.

В процессе развития органов ВЧК менялось и правовое положение органов госбезопасности. Так, 31 января 1918 г. СНК решил разграничить функции органов розыска и пресечения, следствия и суда. «В Чрезвычайной комиссии, -говорилось в постановлении,-концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение дел, ведение следствий и постановки дела на суд предоставляется следственной комиссии при трибунале»⁸

В трудные, критические для советской власти дни, когда немцы, прервав мирные переговоры, начали наступление и в короткий срок захватили значительную часть Украины, всю Латвию и Эстонию и реальная угроза нависла над Петроградом, 21 февраля СНК принял подготовленный В. И. Лениным декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Статья 8 декрета гласила: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»⁹.

22 февраля 1918 г. ВЧК через газету «Известия» довела «до сведения всех граждан, что до сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, когда всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала – российский пролетариат, Всероссийская Чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилками, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме **беспощадного уничтожения на месте преступления**».

ВЧК объявила, что шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники восстания против советской власти, продавцы и скупщики оружия

для отправки финляндской белой гвардии и вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда *«будут беспощадно расстреливаться отрядам и комиссии на месте преступления»*¹⁰.

В связи с предоставлением ВЧК права на внесудебную репрессию, следственные функции комиссии были восстановлены. А инструкцией, утвержденной ВЧК 1 декабря 1918 г., право на применение высшей меры наказания получили губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК. Это означало, что применять расстрел можно было в административном порядке, без предания человека суду¹¹.

Сначала статья 8 декрета СНК применялась ВЧК крайне редко. Первыми же официальными жертвами чекистов считаются самозванный князь Эболи (он же Гриколи, Найди, Моковский, Долматов) и его сообщница Брит. Они были арестованы и расстреляны 26 февраля 1918 г. за дерзкие ограбления под видом обысков от имени ВЧК¹². Держинский первым поставил свою подпись под приговором.

В конце марта 1918 г. за спекуляцию оружием были и убийство самокатчика ВЧК, пьянство и разгульную жизнь были расстреляны Р. Гигашвили, В. Джикидзе, С. Яковлев, В. Герасимов, С. Абрамов и П. Федотов. Распоряжением председателя ВЧК от 22 марта 1918 г. их деньги и вещи переданы в склад вещей и денег, конфискованных в пользу Республики¹³.

В этот же день комиссаром по гражданской части г. Москвы Держинскому было выдано удостоверение № 3411 «на право хранения и ношения при себе одного револьвера системы «Браунинг» и «Кольт»¹⁴, а 25 марта 1918 г. товарищ председателя ВЧК В.А. Александрович и секретарь Г.Н. Левитан подписали удостоверение личности Ф. Держинского № 159. Ему было дано право «производства обысков и арестов». Всем учреждениям и организациям было предложено «оказывать тов. Держинскому всяческое содействие»¹⁵.

В мае 1918 г. возникла конфликтная ситуация после распоряжения Держинского о расстреле двух бандитов, задержанных на месте преступления с оружием и взрывчаткой. 15 мая 1918 г. на экстренном заседании ВЧК было рассмотрено предложение Г.Д. Закса о выяснении отношения комиссии к этому «единоличному распоряжению». Комиссия постановила: «В случае, если при доставлении в комиссию задержанных сразу выясняется их принадлежность к бандитам, немедленно подвергнуть расстрелу по постановлению Особой комиссии. В случае отсутствия кого-либо из состава Особой комиссии предоставить право остальным ее членам приглашать для пополнения кого-либо из других членов Комиссии. В случаях разногласий передавать дело немедленно рассмотрению Комиссии или Бюро. Распоряжение Держинского одобрить»¹⁶.

В середине 1918 г. еще не был провозглашен красный террор, но право расстрела председатель ВЧК использовал по отношению, прежде всего к сотрудникам правоохранительных органов царской России. Как правило, на деле жандарма или полицейского стояла его резолюция «Расстрелять». Хотел он применить эту меру наказания и к Петроградскому градоначальнику Д.А. Сидорову, «но тот бежал во время расстрела»¹⁷.

19 августа 1918 г. Держинский предоставил право и более того, вменил в обязанность чекистам Лиде, Руденицкому и Попаровскому в районе Перловки и Тайнинской «расстреливать по их распоряжению всех **подозрительных**, у которых будет обнаружено оружие, без разрешения»¹⁸.

После смертельного ранения эсерами 20 июня 1918 г. члена Президиума ВЦИК комиссара по делам печати Петроградского совета В. Володарского (Гольдштейна М.М.), убийства М.С. Урицкого и ранения В.И. Ленина большевики перешли к красному террору.

Декрет СНК о красном терроре был подписан 5 сентября 1918 г. народным комиссаром юстиции Д.И. Курским, народным комиссаром по внутренним делам Г.И. Петровским, управ-

ляющий делами СНК В. Д. *Бонч-Бруевичем* и секретарем Л.А. Фотиевой по докладу Ф.Э. Дзержинского о деятельности ВЧК.

В сложившихся условиях СНК считал, что «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»¹⁹.

В последующем, 17 февраля 1919 г., обосновывая необходимость красного террора, Дзержинский говорил на заседании ВЦИК: «Красный террор был не чем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата – уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена. И вот краткий период этого красного террора обнаружил, что в самой России нет другой силы, кроме силы рабочих и беднейших крестьян и их партии – партии большевиков, что нет той группы, что нет той партии и нет того класса, которые могли бы взять власть в России, кроме них. Красный террор победил, показав эту силу. Это было тем условием, при наличии которого можно было влить надежду и уверенность победы в сердца тех, которые среди нас самих, может быть, сомневались в успехе борьбы нашей, и доказать за границе, что силы наши неисчерпаемы»²⁰.

Во время красного террора Дзержинский лично проводил следствие и выносил приговор. Так, 10-14, 19, 21 сентября 1918 г. им были приняты решения по судьбе 105 человек, при этом освобожден 41 человек, направлено на доследование 15 дел, передано в народный суд – 2, в ревтрибунал – 1, оставлен заложником – 1, отправлены в концлагерь – 26, расстреляно – 17, выслан на родину – 1, оштрафован – 1 человек²¹.

19 сентября 1918 г. Дзержинский подписал «Инструкцию ВЧК о работе местных чрезвычайных комиссий», которой основной задачей ЧК определил беспощадную борьбу с контрреволюцией. Он предложил все дела, по которым закончено следствие, ликвидировать самой комиссией, за исключением дел, относительно которых будет вынесено особое постановление комиссии о их передаче в другие инстанции: революционный трибунал, Верховный и местные, народные суды и т. п.; из преступлений по должности ЧК должны принимать к рассмотрению только дела особой важности, представляющие опасность для Советской республики. Все остальные – передаются ими в народные суды и революционные трибуналы²².

Осенью 1918 г. в ряде партийных организаций и советов, а также в периодической печати началась острая дискуссия по вопросам правового положения ЧК. Некоторые партийные и советские работники считали, что наиболее трудный период гражданской войны прошел, контрреволюция разбита и надобность в ВЧК и ее органах отпала. Поэтому они настаивали на ликвидации ВЧК, губернских, и областных ЧК, на передаче розыскных функций уголовному розыску, следственным – ревтрибуналам. Задачу подавления открытых выступлений предлагали возложить на милицию.

2 октября вопрос о ВЧК обсуждался в ЦК РКП (б), который поручил Дзержинскому составить проект положения о ВЧК с тем, чтобы урегулировать деятельность центральных и местных ЧК, а также их взаимоотношения с другими советскими учреждениями. Была создана комиссия, в которую вошли представители ВЧК, НКВД и НКЮ.

Во время работы комиссии в № 3 «Еженедельнике чрезвычайных комиссий» от 6 октября 1918 г. была опубликована статья «Почему вы миндальничаете?», за подписью уездного исполкома Нолинска Вятской губернии. Она была написана по поводу освобождения организатора

антисоветского заговора английского дипломата Р.Г.Б. Локкарта. В статье предлагались самые крайние меры воздействия вплоть до пыток арестованных контрреволюционеров при их допросах.

В связи с этим, Президиум ВЦИК признал, что это находится в глубоком противоречии с политикой и задачами советской власти. 25 октября 1918 г. ЦК РКП (б), осудив нолинцев за их статью и редакцию за ее напечатание, решил «Еженедельник» закрыть и назначить «политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе Каменева, Сталина и Курского. Поручить комиссии обследовать деятельность чрезвычайных комиссий, не ослабляя их борьбы с контрреволюционерами»²³.

Подготовленное комиссией «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях» было принято ВЦИК 28 октября. Оно признавало ВЧК центральным органом, объединявшим деятельность местных ЧК и борющихся с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на территории РСФСР, и вновь подтверждало ее непосредственное подчинение СНК. Местные ЧК создавались советами как один из отделов исполкома.

В Положении отмечалось, что ВЧК работает в тесном контакте с НКВД и НКЮ, ее члены назначаются СНК, а председатель входит в коллегию НКВД. В свою очередь, НКВД и НКЮ делегируют своих представителей в ВЧК; ВЧК и местные ЧК имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов, численность которых устанавливается исполкомами советов депутатов по согласованию с ВЧК. Все отряды ВЧК и местных ЧК находятся под контролем и на учете РВС Республики; члены местных ЧК назначаются и отзываются местными исполкомами, а председатели избираются исполкомами и утверждаются ВЧК; вышестоящие органы ВЧК имеют право посылать в низшие органы своих представителей с решающим голосом; постановления местных ЧК могут быть приостановлены и отменены ЧК высшей инстанции; ВЧК разрабатывает инструкции для местных ЧК²⁴.

В конце 1918 г. в результате улучшения внутривластной обстановки в стране возникла необходимость в уточнении функций и прав ЧК и приведении их в соответствие с задачами укрепления революционной законности, сформулированными на VI Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1918 г.

В декабре 1918 г. в печати снова развернулась дискуссия о ВЧК. В этом же месяце возник конфликт в связи с утверждением члена коллегии ВЧК М.Ю. Козловского о незаконных репрессиях ВЧК. 19 декабря 1918 г. Бюро ЦК РКП (б) заслушало доклад Держинского о заседании ВЧК, на котором было решено обратиться в ЦК о разрешении конфликта между Козловским и остальными членами коллегии. Держинским было отмечено, что в печати за последнее время печатались статьи о деятельности ВЧК, носившие «не столько деловой характер, сколько злобное отношение».

После обсуждения выступления председателя ВЧК было предложено НКЮ временно заменить Козловского в качестве представителя комиссариата в ВЧК до разрешения конфликта, разбор конфликта поручит И.В. Сталину; «на страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях»²⁵.

8 января 1919 г. Каменев направил В. И. Ленину проект резолюции о реформе революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий, который предусматривал немедленную ликвидацию ВЧК и всех ее местных органов, а борьбу с контрреволюцией передать революционным трибуналам. 20 января 1919 г. ВЧК представила В. И. Ленину «Положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии и губчк», в котором обосновывались принципы деятельности ВЧК, принятые ВЦИК 28 октября 1918 г. с соответствующими изменениями, внесенными в последующем.

Во второй половине января 1919 г. В. И. Ленин не поддержал Н.В. Крыленко, посоветовав удовлетворить просьбу Ф.Э. Дзержинского. – «Он формально прав, а Крыленко суетится зря – мое таково впечатление». Это было ответом на письмо Крыленко, в котором сообщалось, что Дзержинский потребовал заставить уголовный розыск выдать ЧК дело – карточки бандитов. Он выполнил эту просьбу, но Н.В. Крыленко и К.А. Розмирович утверждали, что это помешает расследованию. Видимо, речь шла об учетных карточках на членов крупных бандитских шаек Я. Кошелкова, Н. Сафонова, Г. Плещинского, орудовавших в Москве и Московской губернии²⁶.

29 января 1919 г. началась новая дискуссия о ВЧК. Вопрос стоял о самом ее существовании. 20 января были ликвидированы уездные ЧК. Некоторые советские работники считали, что наиболее тяжелый период Гражданской войны прошел, контрреволюция разбита наголову, политические преступления становятся редким исключением.

Руководители НКЮ разработали проект реорганизации ВЧК и ревтрибуналов, который предусматривал изъятие у ВЧК права на внесудебное разрешение дел и сохранение их лишь как органов розыска и пресечения. Согласно проекту органы ВЧК должны быть подчинены ревтрибуналам и работать под их контролем.

Против ликвидации ЧК решительно возражали Дзержинский, Я.Х. Петерс и ряд других советских и партийных работников. 30 января Дзержинский выступил с докладом на Московской общегородской конференции РКП (б). Итоги дискуссии были подведены 4 февраля 1919 г. на заседании ЦК РКП (б) при обсуждении вопроса «Чрезвычайные комиссии».

Было решено поручить комиссию в составе Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина и Л.Б. Каменева разработать положение о ЧК и ревтрибуналах, руководствуясь следующим: 1) право вынесения приговоров должно быть передано из ЧК в ревтрибуналы, причем ревтрибуналы должны состоять из 3 человек; 2) аппарат ЧК должен остаться в качестве, во-первых, розыскных органов и, во-вторых, органов непосредственной борьбы с вооруженными выступлениями (бандитскими, контрреволюционными и т. п.); 3) за ЧК сохраняется право расстрелов при военном положении (если это право предусмотрено самими постановлениями об объявлении той или иной местности на военном положении); 4) работа комиссии должна закончиться в кратчайший срок²⁷.

Комиссия в составе Дзержинского, Сталина и Каменева в течение двух недель закончила работу над проектом положения о чрезвычайных органах и ревтрибуналах, и 17 февраля 1919 г. председатель ВЧК от имени фракции большевиков выступил на 8-м заседании ВЦИК с мотивированными предложениями от фракции коммунистов о порядке реорганизации ВЧК и ревтрибуналов.

Проект был принят.

В дополнение и развитие положения о ВЧК от 28 октября 1918 г. о правах ВЧК и ревтрибуналов²⁸. ВЦИК постановил: «1. Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам, причем следствия по всем делам должны быть заканчиваемы не позднее одного месяца.

Примечание. В случае необходимости продолжить срок следствия Чрезвычайной комиссии предоставляется, право возбуждать особые ходатайства перед местными Советами, а Всероссийской Чрезвычайной комиссии – перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

2. При наличии вооруженного выступления (контрреволюционных, бандитских и т. п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений.

3. Такое право непосредственной расправы сохраняется за чрезвычайными комиссиями в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения.

4. Для решительного пресечения преступления и быстроты разбора дел революционные трибуналы реорганизуются на следующих началах:

а) Революционный трибунал состоит из 3 членов. Судьи избираются на месячный срок губернскими исполнительными комитетами. В городах, насчитывающих более 200 тыс. жителей, могут быть учреждаемы городские трибуналы, члены которых избираются городскими Советами депутатов.

б) Суд должен назначаться не позже чем через 48 часов после окончания следствия.

в) Заседания трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемых. Вызов или не вызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмотрении дела, зависит от трибунала. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры не подлежат обжалованию в апелляционном порядке.

- Революционному трибуналу предоставляется право проверки следственных действий чрезвычайных комиссий.

- Члены трибунала имеют право посещения мест заключения и проверки закономерности содержания арестованных.

- Настоящее положение входит в силу по созданию реорганизованных революционных трибуналов, губернским исполнительным комитетам и городским Советам депутатов (согласно п. 4а настоящего постановления) приступить к организации новых трибуналов.

Всероссийской Чрезвычайной комиссии предоставляется право заключения в концентрационный лагерь»²⁹.

Как видим, в основу положения были положены директивы ЦК РКП(б) от 4 февраля. ВЦИК дал ВЧК «права непосредственной расправы» лишь при наличии контрреволюционных или бандитских вооруженных выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения»³⁰.

20 февраля 1919 г. Ф.Э.Дзержинский подписал приказ о подготовке к реорганизации ревтрибуналов и ЧК в свете решений: ВЦИК. Им предлагалось: ликвидировать до организации новых революционных трибуналов все имеющиеся старые дела, по которым необходимо применить административные меры наказания, чтобы вновь реорганизованные трибуналы могли сразу приступить к разбору новых дел; всячески содействовать организации новых трибуналов; не уменьшать бдительности и в случае надобности, с разрешения и согласия губисполкомов и губкомпарт, решительно бороться с врагами советской власти в местностях, объявленных на военном положении».³¹

В тот же день Дзержинский и председатель Особого отдела М.С. Кедров подписали приказ, которым предложили особым отделам принять к исполнению следующее: армейским особым отделам в зоне боевых действий предоставляются в отношении непосредственной расправы по пресечению преступлений права и функции губЧК; в том случае, когда боевая зона далеко отстоит от места пребывания армейского особого отдела, последний для непосредственного обслуживания зоны выделяет от себя боевой пункт (отделение), которому передаются принадлежащие ему права непосредственной расправы; граница боевой зоны устанавливается по соглашению местных губЧК, реввоенсоветов армий и особых отделов»³².

9 марта 1919 г. Президиум ВЧК после обсуждения вопроса «О концентрационных лагерях», постановил поручить М.С. Кедрову и Г.С. Морозу разработать проект о концентрационных лагерях во всероссийском масштабе, а МЧК подыскать коменданта для концентрационного лагеря»³³, а 12 марта 1919 г. после обсуждения вопроса «О высшей мере наказания»,

постановил: «Поручит губчека применять высшую меру наказания к взяточникам и занимающимся хищениями и по ж. д.»³⁴.

Весной и летом 1919 г. Дзержинский поставил перед ЦК РКП (б) вопрос о дополнительных мерах обеспечения безопасности страны. 14 марта 1919 г. он выступил на заседании ЦК РКП (б) с докладом «О серьезности переживаемого момента» и предложил объявить на военном положении местности, где происходили контрреволюционные мятежи. ЦК согласился с мнением Дзержинского³⁵.

О «серьезности и переживаемого момента» свидетельствует его письмо своей старшей сестре Булгак, направленном из Москвы на следующий день: «Объяснить тебе всего я в письме не могу, - разные люди понимают по-разному, да и не каждый сумеет переварить в уме все то, что душа выстрадала в муках многолетних скитаний. Одну правду я могу сказать тебе – я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего.

Любовь сегодня, как и раньше, она все для меня, я слышу и чувствую в душе ее песнь. Песнь эта зовет к борьбе, к несгибаемой воле, к неутомимой работе. И сегодня, помимо идеи – помимо стремления к справедливости, – ничто не определяет моих действий. . . Я вижу будущее и хочу и должен сам быть участником его создания – быть в движении, как пущенный из пращи камень, пока не достигну конца-отдыха навеки. Задумывалась ли ты когда-нибудь, что такое война и ее действительных образа? Ты отталкиваешь от себя образы разорванных снарядами человеческих тел, раненых на поле боя и воронов, выклеывающих глаза еще у живых людей. Ты отталкивала эти страшные картины, ежедневно стоящие у нас перед глазами. Меня ты не можешь понять. Солдата революции, борющегося за то, чтобы не было на свете несправедливости, чтобы эта война не отдала на растерзание победителям – богачам целые многомиллионные народы. Война – ужасная вещь»³⁶.

В этой борьбе на стороне большевиков выступал и сын А.М.Горького. 9 мая 1919 г. Дзержинский подписал ему мандат до 1 июля 1919 г., которым Максиму Алексеевичу Пешкову было предоставлено право «задержания всех подозрительных лиц по его усмотрению для немедленного препровождения в МЧК без права обыска на квартире арестованного». Всем советским учреждениям и партийным органам было предложено оказывать ему всемерное содействие при исполнении им возложенного на него поручения»³⁷.

11 июля 1919 г. Ф.Э. Дзержинский обратился к лицам, случайно оказавшимся в рядах белогвардейских организаций. Отметив, что враги советской власти стремятся дезорганизовать оборону Республики и ее тыл, о чем свидетельствовали недавние события под Петроградом, на Красной Горке и на Карельском участке Северного фронта, он заявил: «Именно поэтому Всероссийская чрезвычайная комиссия как орган борьбы с контрреволюцией считает своим долгом усилить расправу с виновными в подобного рода преступлениях... *Никакой пощады изобличенным в белогвардейских заговорах и организациях не будет. Всероссийская чрезвычайная комиссия объявляет, что, стоя на страже революции, она будет без всякой пощады расправляться со всеми участниками подобных организаций. Но так как из материалов следствия с совершенной очевидностью выяснилось, что главари белогвардейцев втягивают в организации массу лиц, даже не подозревающих о них, причем белогвардейцы не останавливаются ни перед каким обманом, Всероссийская Чрезвычайная комиссия обращается настоящим с последним предостережением ко всем тем, кто втянут по неосмотрительности или излишней доверчивости в белогвардейские организации.*

Всероссийская чрезвычайная комиссия предлагает таким лицам в недельный срок явиться к ней и гарантирует явившимся и раскаявшимся

полную безнаказанность. По истечении этого срока даже самое поверхностное отношение и связь с участниками белогвардейских организаций повлечет за собой неизменно высшую кару – расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи»³⁸.

В 1919 г. по инициативе Дзержинского происходит уточнение ряда вопросов правового положения органов ВЧК.

13 мая 1919 г. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны принял за основу проект постановления об особых отделах при ВЧК и поручил В.И. Ленину подписать его от имени Совета «при условии, если он будет предварительно подписан гг. Кедровым и Дзержинским»³⁹; 15 июня 1919 г. председатель ВЧК внес в ЦК РКП (б) проект декрета о расширении права расстрела. ЦК РКП (б) постановил принять декрет за основу, убрав лишь расстрел за подделку документов и соединив в общей формулировке в одном пункте участие в заговорах и в контрреволюционных организациях. Юридическую доработку проекта было поручено провести П.И. Стучке в 2-дневный срок и внести его в Президиум ВЦИК⁴⁰.

14 июня 1919 г. до Дзержинского было доведено постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 13 июня о передаче вопроса о порядке проведения военного положения на железных дорогах на обсуждение комиссии из Маркова, Дзержинского и Склянского с правом замены этих лиц «лишь теми товарищами, которые получают от них особые полномочия и с решением которых в комиссии Марков, Склянский и Дзержинский берут на себя обязательство согласиться»⁴¹.

На следующий день Дзержинский представил на рассмотрение объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) проект декрета «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», который был принят за основу. 20 июня ВЦИК утвердил проект декрета с небольшими уточнениями. После его опубликования 23 июня председатель ВЧК подписал приказ, разъяснявший задачи ЧК, призванных в трудное время «проявить максимум энергии, максимум усилий к тому, чтобы обеспечить тыл нашей армии. Все чрезвычайные комиссии должны превратиться в боевые лагеря, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков»⁴².

Из текущих распоряжений Дзержинского следует остановиться на его распоряжениях о передаче в отдел хранилищ в пользу казначейства конфискованных денег: у разных лиц 71 руб. 50 коп., у расстрелянного в Вологде Митропольского 1 059 руб., у Рыбинского, арестованного Аванесовым по орд. № 912 – 6 000 руб. Всего 7 130 руб. 50 коп.⁴³. Этот документ свидетельствует об отлаживании механизма репрессий. Чему способствовало и внесение ясности по вопросу о заложниках.

17 декабря 1919 г. Дзержинский и Лацис подписали приказ Президиума ВЧК всем губЧК, в котором говорилось не только о заложниках, но и об отношении к специалистам и арестованным: «Кто такой заложник... Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров.

За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего не даст.

Они кем дорожат... высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и т. п.

Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разре-

шения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача – взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложников, и направлять эти списки нам»⁴⁴.

19 февраля 1920 г СНК принял постановления о расширении полномочий ВЧК: «Лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, разбойных нападениях и в налетах, предавать суду революционного трибунала». ВЧК и трибуналу по взаимному соглашению было представлено право учреждать военные трибуналы в местностях, опасных в отношении бандитизма. В то же время, в целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и с «паразитическими элементами населения», в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел по ним в порядке уголовного преследования, за ВЧК и губЧК сохранялось право заключения таких лиц «в лагерь принудительных работ на срок свыше пяти лет». Следовательно, ЧК, могли без доказательства, минуя судебные органы, проводить репрессивную политику⁴⁵.

На основании постановления СНК от 19 февраля 1920 г. и соглашения Президиума ВЧК с Реввоентрибуналом Республики от 17 марта 1920 г. Ф.Э. Дзержинский и председатель трибунала К.Х. Данишевский предложили губчека и губвоенкомам «все дела о лицах, обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, налетах и восстаниях против Советской власти в местностях, лежащих вне фронтовой полосы, передавать к слушанию и вынесению приговоров в Реввоентрибунал ВОХР; там же, где их не было, по представлению губЧК создавать специальные военные трибуналы только для слушания дела; трибуналы состоят из председателя и двух членов – двух от губчека и одного – от военного комиссара»⁴⁶.

В связи с опубликованием основного положения о трибуналах в «Известия ВЦИК» от 27 марта 1920 г., 17 апреля 1920 г. Ф.Э. Дзержинским было предложено всем губЧК выделить из состава коллегии и представить на утверждение губисполкома одного сотрудника для постоянной работы в губтрибунала. Он должен быть в курсе всех проходящих через коллегию законченных следствием дел. При рассмотрении всякого законченного следствием дела в коллегии губЧК последняя могла давать ему в дальнейшем, как общее правило, направлять в народный суд или в трибунал – в порядке подсудности, а в порядке административного разрешения-заключения виновных в лагеря принудительных работ.

При рассмотрении вопроса о направлении дела в трибунал или в народный суд чекисты должны были иметь в виду, что основным положением для проходящих через ЧК дел установлен один признак: насколько крупным представляется данной коллегии то или иное спекулятивное или иное должностное преступление, так как дела контрреволюционные или поступки должностных лиц, дискредитирующие власть, отнесены к ведению трибуналов, а не народных судов.

«Коренным отличием трибунального суда от суда общего, – подчеркнул Дзержинский, – должны быть (а этому новый закон дает трибуналам полную возможность): быстрота, суровость, подсудимый имеет минимум прав и его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого». Чекисты должны руководствоваться при определении важности дела исключительно признаками: размер сделки, на какие именно товары, по степени их необходимости для Советской республики, заключена сделка и как была совершена сделка – были ли отягчающие обстоятельства: подкуп, подлог, многократность аналогичных предыдущим сделок, совершенных тем же лицом, товары, происходящие из советских складов, и, наконец, наличность ряда данной местности...»⁴⁷.

В годы Гражданской войны чекисты, особенно их руководители, пользовались большими правами. Об этом можно судить по мандату А.Х. Артузову, подписанному 30 октября 1920 г. Ф.Э. Дзержинским и В.Р. Менжинским, как особо уполномоченному Особого отдела ВЧК, который командировался на Западный и Юго-Западный фронты для ознакомления с деятельностью особых отделов. При обнаружении каких-либо злоупотреблений со стороны должност-

ных лиц он получил право «немедленного ареста и предания суду виновных с немедленным доведением об этом до сведения начальников особых отделов фронтов и Особого отдела ВЧК.

Тов. Артузову предоставляется право свободного посещения всех мест заключения, допроса арестованных, пересмотра дел и перечисления по своему усмотрению за собой всех дел и арестованных лиц, не исключая лиц, о которых уже вынесены приговоры и исполнение каковых тов. Артузов имеет право приостанавливать.

Тов. Артузову предоставляется право внеочередного пользования всеми средствами сообщения, а также разговоров по прямому проводу и отправки телеграмм военных вне очереди без печати за счет Особого отдела ВЧК.

Для успешного выполнения данных тов. Артузову поручений все гражданские, военные и железнодорожные учреждения, а также губчека и РТЧК. обязаны оказывать тов. Артузову всемерное немедленное содействие»⁴⁸.

Окончание Гражданской войны объективно способствовало серьезным переменам в политике и практике ведомства безопасности, потому что произошли некоторые сдвиги в политической системе в сторону либерализации и отказа от чрезвычайщины и террора, некоторое расширение прав граждан и ограничение прав чиновников госаппарата. Но реальная власть сохранилась в руках большевиков, остались неравенство при выборах в советы, лишение избирательных прав по «классовой принадлежности». И народ продолжал жить по законам военного времени. Во многих губерниях сохранялось исключительное и военное положение на основе «Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка».

Исключительное положение вводилось при контрреволюционных выступлениях и иных посягательствах на органы власти и отдельных ее представителей, неисполнении или противодействии законным распоряжениям власти со стороны отдельных лиц, если они грозили принять массовый характер, в случае массовых посягательств на личное имущество, при стихийных бедствиях пр. Военное положение вводилось в том случае, когда данная местность становилась театром военных действий или получала для военных целей особо важное значение.

Эти решения принимались постановлениями ВЦИК и СНК сроком до трех месяцев и при необходимости продлевались. Но постепенно, в соответствии с новыми условиями и задачами государства в первые годы нэпа, начинает перестраиваться работа его аппарата, содержание и методы деятельности, в том числе и ВЧК. И здесь решающее значение имело мнение В.И.Ленина, видевшего новое в определении задач чекистов в том, чтобы они более активно участвовали в борьбе на бескровном фронте труда, «который теперь выдвигается на первый план с точки зрения строительства советской власти, с точки зрения укрепления рабоче-крестьянской власти и восстановления разрушенного хозяйства»⁴⁹.

1 января 1921 г. на расширенном заседании Коллегии ВЧК с представителями местных ЧК и центральных управлений и отделов ВЧК был определен порядок отношений ВЧК с ЧК автономных республик и областей РСФСР. В постановлении Коллегии говорилось, что представители ЧК автономных республик и областей подчинены помимо центра высшему органу власти области или края, и все распоряжения ВЧК и ЧК автономных республик принципиального характера должны проходить через представителя ВЧК; в оперативном отношении местные ЧК подчиняются ВЧК, а их представители, как правило, являются уполномоченными ВЧК в своих республиках, а нередко и членами Коллегии ВЧК. Наиболее централизованными оставались чекистские органы на транспорте и в армии.

После рассмотрения вопроса о карательной политике ЧК было решено поручить Президиуму разработать проект циркулярного письма к местным органам ЧК о сокращении до минимума судебных функций ВЧК с сохранением непосредственной расправы лишь в случаях активных вооруженных выступлений и необходимости повышения авторитетности трибуналов путем передачи последним для суда всех дел, возникших в ЧК, и направления в их аппараты своих людей; провести определенную линию к сокращению деятельности ведомственных

трибуналов и сосредоточению судебных функций в едином виде трибуналов; поручить Президиуму «предложить НКЮ организовать отдельные сессии нарсудов при ЧК, что разгрузит последние от чрезмерного скопления дел и втянет нарсуды в область более живой и массовой работы»⁵⁰.

8 января 1921 г. Дзержинский подписал приказ № 10, в основу которого лег принцип создания специального режима для буржуазии и передача рабочих на поруки заводских комитетов, причем особое внимание обращено на то, чтобы ЧК прибегала к арестам лишь в случаях действительной необходимости⁵¹.

13 января 1921 г. ВЧК созвала совещание для обсуждения вопроса об изменении тюремной и карательной политики в составе представителей от ВЧК, НКВД, НКЮ, МЧК, Кассационного трибунала, Ревтрибунала и ВЦСПС: Ф.Э. Дзержинского, Г.Г. Ягоды, М.К. Ихновского, С.А.Мессинга, И.А.Апетера, З.Г. Зангвиля, Н.В. Крыленко, Л.А. Саврасова, К.Х.Данишевского и В.В. Куйбышева.

Совещание предложило образовать комиссии: в центре при ВЦСПС, а на местах – при губернских профсоюзах. Не имея судебных функций, они должны были поставить своей задачей пересмотр дел осужденных лиц пролетарского и крестьянского происхождения, а также «вовлечение широких пролетарских масс в борьбу с преступностью в пролетарской среде».

После совещания Дзержинский направил письмо в ЦК РКП (б) о карательной политике в условиях перехода от войны к миру. В нем отмечалось, что после прекращения боевых действий ВЧК сама поставила в порядок дня вопросы о применении высшей меры наказания, о сокращении судебных функций ЧК, регулировании карательной деятельности всех судебных органов. Что же касается применения высшей меры наказания, то ВЧК 24 декабря 1920 г. дала телеграмму всем губЧК, запрещающую приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания без санкции на то ВЧК, за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях. По вопросу о возможности отмены высшей меры наказания ВЧК полагала, что ее можно отменить по всем политическим преступлениям, за исключением террористических актов и открытых восстаний, а по уголовным делам применять эту меру только к бандитам и шпионам и тем должностным преступлениям, которые «резким образом препятствуют советской власти восстановить производительные силы РСФСР». Но чтобы высшая мера наказания на хозяйственном фронте дала такие же результаты в устрашении преступников, какие были достигнуты на фронте контрреволюционном, необходимо согласованность всех карательных органов и единое руководство ими, «хотя бы в области принципиальных решений». Поэтому ВЧК предложила, чтобы все ее органы, за исключением тех местностей, где велись военные действия, передали свои функции в трибунал, что целесообразно сделать ведомственным соглашением.

Дзержинский особо подчеркнул сложность международного и внутреннего положения республики и важность гибкой политики в условиях перехода к миру. – «Но необходимой предпосылкой отказа органов ЧК от судебных функций является упрощение и укрепление судебных органов. ВЧК полагает, что необходимо уничтожить ведомственные трибуналы, как железнодорожные и военные, передать имеющиеся там коммунистические силы в обычные ревтрибуналы и народные суды. Для дел, передаваемых в последние из ЧК, создать специальные камеры, как это уже практикуется в Москве, и, наконец, усилить единый Верховный трибунал при ВЦИК для объединения всей судебной деятельности...Опираясь на эти широкие массы, и в первую очередь на профессиональные союзы, ВЧК надеется достичь того, что деятельность карательных органов будет восприниматься пролетариатом, как осуществление его собственной диктатуры.

ВЧК просит ЦК РКП одобрить занятую позицию относительно ограничений отмены высшей меры наказания в области политических преступлений и усиления репрессии против должностных преступлений на хозяйственном фронте»⁵².

При рассмотрении точки зрения Дзержинского о карательной политике советской власти в новых условиях следует обратиться к его точке зрения при обсуждении проблемы взаимоотношений органов ВЧК и ревтрибуналов: «...Раньше мы не имели возможности судить так же, как и на войне и на фронте, это не суд, а борьба – война, поэтому Чрезвычайной комиссии и были предоставлены полномочия расправы, полномочия войны. Теперь, когда нам нужно выискивать отдельные личности, то их нужно судить, ибо уже нет тех контрреволюционных внутри страны сил, с которыми бы, как с массовым, повторяю, сплочением, нам приходилось бы бороться. Поэтому в проекте, который я от имени фракции вношу на усмотрение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, первый пункт гласит: «Право вынесения приговоров по всем делам, возникаемым в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам, причем следствия по всем делам должны быть заканчиваемы не позднее одного месяца.

Примечание. В случае необходимости продолжить срок следствия ЧК предоставляется право возбуждать особые ходатайства перед местными Советами, а ВЧК-перед ВЦИК»

Но вместе с тем мы не должны убаюкивать себя, мы должны своим врагам сказать, что, если они посмеют выступить с оружием в руках, тогда все те полномочия, которые имела раньше.

Чрезвычайная комиссия, она будет иметь и дальше; с этой целью этот пункт должен быть принят: «При наличии вооруженного выступления (контрреволюционных, бандитских и т. п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений». Этот пункт говорит: «для пресечения преступлений»– и обозначает, что непосредственная расправа допускается только до момента пресечения выступления.

Затем 3-й пункт гласит: «Такое же право непосредственной расправы сохраняется за чрезвычайными комиссиями в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения». Здесь могут некоторые возразить, что у нас положение о введении военного положения еще не разработано. Хотя это и так, но все-таки в практике военное положение вводится (хотя бы сама Москва, она тоже находится на военном положении). Вводится оно в тех местах, которые могут быть угрожаемы в контрреволюционном отношении, с одной стороны, и, с другой – в отношении вторжения неприятеля, когда нужно принять самые решительные меры для того, чтобы шпионские банды не проникали в наш тыл, для того, чтобы сеять панику, взрывать железные дороги и т. д.

Вместе с тем практика Всероссийской Чрезвычайной комиссии показала, что для того, чтобы успешно бороться с преступлениями, необходимо, чтобы суд, чтобы наказание шло в возможно краткий срок после совершения преступления. Поэтому необходимо революционные трибуналы реорганизовать в том смысле, чтобы они могли судить и присуждать непосредственно в самый кратчайший срок после совершения преступления. Поэтому 4-й пункт вносимого проекта следующий: «Для решительного пресечения преступлений и быстроты разбора дел революционные трибуналы реорганизуются на следующих началах:

а) революционный трибунал состоит из трех членов. Судьи избираются на месячный срок губернскими исполнительными комитетами. В городах, насчитывающих более 200 тыс. жителей, могут быть учреждаемы городские трибуналы, члены которых избираются городскими Советами;

б) суд должен назначаться не позже чем через 48 часов после окончания следствия;

в) заседания трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемых. Вызов или невызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмот-

рении дела, зависит от трибунала. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры трибунала не подлежат обжалованию в апелляционном порядке».

Это значит, что приговоры могут подлежать только кассации, например, если суд состоял не из трех членов, а из двух членов, если были допущены какие-нибудь формальные неправомерности или по каким-нибудь другим причинам. 5-й и 6-й параграфы говорят: «Революционному трибуналу предоставляется право проверки следственных действий ЧК. Члены трибунала имеют право посещения мест заключения и проверки закономерности содержания арестованных».

Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения, или если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников.

Таким образом, предлагается создать школу труда, и по поводу этого предложения существует следующее: «ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь, причем ВЧК руководствуется точным положением о порядке заключения в концентрационный лагерь (инструкция), которое утверждается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом».

Эту инструкцию предлагается разработать в двухнедельный срок. Мне кажется, что необходимость в реорганизации чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов настолько созрела, что возражать по этому поводу едва ли кто будет серьезно⁵³.

Во многих документах Дзержинского подчеркивается, что невозможно успешное решение оперативных задач без помощи населения, его сочувственное отношение «создает благоприятную для нас ситуацию», поэтому «необходимо по возможности, устранять все то, что отрицательно влияет на отношение населения к соввласти: как-то плохую работу соворганов, бюрократическую волокиту и формализм, произвол и взяточничество местных властей и милиции, неправильное налоговое обложение, неправильность при землеустройстве...»⁵⁴.

Он считал, что надо разъяснять решения органов власти, чтобы каждому человеку была ясна ее политика в борьбе с преступными элементами. 20 января 1921 г. отметил он, «лучше в отдельной статье, написать о роли трибуналов и ЧК и вообще карательной системы в борьбе с разрухой и злоупотреблениями. Наши хоз. органы не сознавали всей важности этих учреждений для них же самих, не умели и не хотели ими пользоваться. Поэтому всё репрессии карательн. органов не достигали своей цели, были кустарничеством и заплатами – и чисто случайными. Не сознавали, что наладить хоз. жизнь это преодолеть классового врага, что это длительный процесс, в котором обойтись без орудий пролетарской диктатуры никак нельзя»⁵⁵.

Следует особо остановиться на июньских (1921г.) декретах ВЦИК «Об объединении всех революционных трибуналов республики» и «О порядке наложения административных взысканий». Первый декрет в качестве единого кассационного органа и органа надзора за действовавшими на территории РСФСР трибуналами, а также судебными учреждениями для рассмотрения дел особой важности, при ВЦИК РСФСР предусмотрел создание Верховного трибунала в составе пленума (объединенного заседания): председателей коллегий, члена-докладчика и представителя ВЧК; кассационной, военной и военно-транспортной коллегий. Рассмотрению в судебной коллегии подлежали дела исключительной важности, переданные особым постановлением ВЦИК, НКЮ и ВЧК, причем определение ВЦИК для нее являлось обязательным. Декрет установил применение внесудебных репрессий органами ВЧК лишь в местностях, объ-

явленных на военном положении и только по делам о шпионаже, бандитизме, об участии в вооруженном восстании. ЧК были обязаны предоставлять свои отчеты о принятых ими мерах в Верховный трибунал при ВЦИКе. Другим декретом было четко определено, что административные взыскания могут налагаться лишь за проступки, а все уголовные дела должны разбираться в суде. Но в силу объективных причин это не было реализовано до февраля 1922 г.⁵⁶.

Разграничение функций между судебными органами и ВЧК способствовало становлению законности. Июньские декреты, казалось бы, создали основу для выработки гарантий неприкосновенности личности. Однако обстановка в стране продолжала оставаться очень сложной, и ЦИК СССР и СНК РСФСР порой шли на расширение прав ВЧК-ОГПУ и ее органов. Общие права органов безопасности, изложенные в положении о ВЧК, не могли в полной мере учесть все особенности борьбы в различных районах страны.

8 тех случаях, когда органы ВЧК не имели права без санкции высших законодательных органов принимать решения или эти меры выходили за рамки их компетенции, ВЦИК, СНК РСФСР и СТО давали им дополнительные полномочия на определенный срок. Так, 9 февраля 1921 г. для улучшения снабжения углем Донбасса и в целях успешной борьбы с хищениями топлива органам ВЧК было дано право наказывать лиц, уличенных в хищении топлива, на основе особой инструкции, утвержденной СТО⁵⁷.

Весной 1921 г. ВЧК и ряд губЧК настаивали на расширении прав местных органов безопасности. Но это встретило серьезные возражения со стороны других ведомств, в частности НКЮ. 17 мая Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело просьбу Н.В. Крыленко об отсрочке проведения в жизнь до сессии ВЦИК постановления о расширении прав губЧК в отношении высшей меры наказания за расхищения со складов и государственных фабрик. Но окончательно этот вопрос был решен лишь через неделю⁵⁸.

В некоторых ситуациях при решении ряда вопросов Дзержинский и после Гражданской войны предпочитал крайние меры. Для тех лет характерно его письмо В.Н. Манцеву в Украину 2 августа 1921 г.: «...Ввиду интервенционистских приготовлений Антанты, необходимо арестованных петлюровцев-заговорщиков возможно скорее и больше уничтожить. Надо их расстрелять. Процессами не стоит увлекаться. Время уйдет, и они будут для контрреволюции спасены. Поднимутся разговоры об амнистии и т.д. Прошу Вас срочно этот вопрос решить. В случае, если ЦК КПУ воспротивилось такому решению, сообщите нам немедленно для внесения в ЦК РКП...»⁵⁹.

Вряд ли эти рекомендации вызывались даже «революционной необходимостью», скорее всего, они были продиктованы не закончившимся выходом общества из состояния Гражданской войны, его разделением на «своих» и «чужих», когда противоборство сторон было обострено до крайности. Сказывались озлобленность, порожденная войной, стремление уничтожить явного и потенциального противника. И в последующие годы, с подавлением восстаний и мятежей, положение в стране нормализовалось медленно, не все очаги контрреволюции были ликвидированы, во многих районах развился бандитизм. Поэтому чекистам было дано право на применение мер исключительного характера: заложничества, круговой поруки, реквизиций, конфискации, расстрелов и др.

Отказ от политики военного коммунизма не был отказом от стандартов бюрократического контроля над производством и потреблением, у него были свои глубокие корни в отечественной истории, когда центральная власть в России не только распоряжалась всем, что имелось в стране, но и решала за весь народ. Так было и при Временном, и при Советском правительствах, вводивших продовольственную диктатуру. Утверждение о том, что народ стал хозяином страны после Октябрьской революции, все более подвергалось сомнению. Система укоренившихся в обществе отношений между всеми классами и социальными группами включала в себя не только производственные отношения, но и политические, нравственные, идео-

логические и др. С окончанием Гражданской войны противоборство в обществе приобрело новые формы.

Весьма примечательно письмо народовольца Н.А. Морозова, полученное Дзержинским после 11 августа 1921 г.: «...Я с самого начала революции считал, что опыт осуществления государственного социализма после падения Русской империи исторически неизбежен и что из всех социалистических партий ни одна не способна так серьезно и умело сделать его, как Ваша. Я сам не бросился его осуществлять, потому что скептически относился к результатам, сейчас современное положение человечества психологически неспособного к коммунальной жизни и был уверен, что в этом отношении (т. е. в экономической области) революция сменится реставрацией.

Протекшие три года разубедили меня в этом. И мне представляется, что обратная волна понесется стихийно, как стихийно шли три года, и углубит революцию и что мелкий собственник неудержимо будет стремиться сделаться крупным... Но будучи знакомым с многими из них я не получил впечатления, чтоб они, хотя бы в большинстве были сознательными коммунистами или даже социалистами. Красный офицер – это молодой человек, которого революция сделала офицером и который хочет оставаться именно офицером, а потом не прочь быть и красным генералом. Он уже не считает себя пролетарием или просто солдатом, а курсант хочет быть офицером. Это психология красного офицера, логически понятная для меня, и ближайший логический шаг для спасения гражданских и духовных приобретений революции это союз радикальной интеллигенции и красного офицера с признанием, что и без чека России при малой культурности ее земледельцев и рабочих исторически не могла обойтись, а в коммунизме, мне кажется, неизбежно предстоит все более и более отступать на заранее подготовленные позиции, чтобы спасти остальные приобретения революции»⁶⁰.

2 декабря 1921 г. Дзержинский, Реденс и Благодоров подписали циркуляр на имя предгубЧК и ДТЧК о ведении дел органами ВЧК. «ВЧК, – отмечалось в нем, – неоднократно указывала в своих циркулярных письмах на необходимость установления самой тесной связи и дружной работы профессионально-партийных и чекистских организации». Однако эти директивы центра нарушались многим сотрудниками ЧК и ТЧК. Например, Ростовская ВОДТЧК, пользуясь далеко не проверенными сведениями сводившего личные счета с некоторыми членами Донского райкомвода осведомителя, завело дело против райкомвода, во время подготовки к избирательной кампании на районный съезд произвела обыски у его членов. – «Этим райкомвод как рабочая организация был дискредитирован в глазах масс, а ЧК превысила свою власть».

Дзержинский расценил это как «возмутительный факт» и подчеркнул, что «не должно вестись дело в органах ЧК в отношении рабочих организаций и ответственных коммунистов.

Нужно твердо запомнить, что ни одно дело в отношении рабоче-профессиональной организации и ответственных коммунистов не может вестись без поручения на то соответствующего партийного комитета или высшей инстанции по профсоюзам. ЧК никоим образом не может вовлекаться в склоку, иногда имеющую место в партийных или профсоюзных организациях и становиться на сторону одной части против другой, попадая в плен к своим часто недобросовестным или односторонне заинтересованным осведомителям-информаторам»⁶¹.

В конце 1921 г. в партийных и правительственных кругах обсуждался вопрос о реформировании ВЧК. Совершенно необоснованным является утверждение В. Сироткина о том, что в 1921 г. ВЧК пыталась сфабриковать дело против группы «рабочей оппозиции», и это послужило для В.И. Ленина «толчком к упразднению ВЧК...»⁶². Причина не в этом, она, прежде всего в стремлении руководства страны перестроить органы безопасности в связи с переходом к нэпу.

Н.В. Крыленко предложил разделить розыск и дознание от следствия. Дзержинский направил письмо в Политбюро ЦК РКП (б), выступив категорически против данного предложения, считая, что это «разрывает цепь, неразрывно с собой связанную».

Доводы председателя ВЧК необходимо привести полностью, так как они показывают его точку зрения и по ряду других вопросов: «Это типичная буржуазная юстиция, юстиция богатых. В результате судоговорения – правда». Говорит же на суде мошна. Если же мы эту цепь порвем, как мы правду на суде найдем? Случай, впечатление, та же мошна, развращающая и умеющая создавать впечатление, правду может знать тот, кто верит тем, кто начал дело, был у первоисточника. Почему не потребовалось у нас изменять существующее положение? Если в органах ЧК нет достаточного количества умеющих формулировать, надо их найти. Все равно они нужны и в следств. аппаратах Трибуналов и др. Такое же соединение дает громадную экономию в людях и во времени.

Если же нет к нам доверия, то нас надо разогнать, ибо мы держимся только на доверии партии. Что мы сами не потерпим и уничтожаем всякую сорную траву гораздо успешнее, чем мог бы это сделать кто-либо со стороны.

Мыслимое отделение политической борьбы от борьбы с должностными и хозяйств. преступлениями – несвоевременно, ибо хищения, взяточничество, саботаж, распущенность это проявления у нас той же борьбы против диктатуры пролетариата – и этими проявлениями эта диктатура может быть убита побитой буржуазией, тогда как в буржуазном строе кражи и хищения усиливали только господство собственности. И особенно теперь в переходный период вынужденных уступок наших сдача этих позиций сокращение и ослабление борьбы с этими преступлениями может уничтожить все наши расчеты.

Отдача ВЧК под надзор НКЮста – роняет наш престиж -умалает наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших «беззакониях», по существу не достигая никаких результатов надзором **одного** лица столь большого аппарата. Это акт не надзора, а акт дискредитирования ВЧК и ее органов. Быть под надзором одного лица, иметь комиссара Коллегии ЧК не заслужили, так как состоят из членов партии, испытанных в боях и со стажем большим, чем завгубюстами. ЧК находится под надзором партии. Введение **комиссара** губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как губюсты - это органы формальной справедливости, а ЧК органы дисциплинированной партийной боевой дружины. Такой тип, как губюст, так и ЧК сложились в процессе революции Российской.

ЧК, члены ее Коллегии и сотрудники не могут быть гражданами той же категории, что и белые спецы гражданские 2-й категории.

НКЮст имеет общие права и обязанность следить за законностью во всей стране и во всех ведомствах, обществах и общественной и частной жизни. И не только в органах ВЧК. Почему же только мы должны быть под надзором?

Принципиально такая постановка контроля для нас как партийных работников, а не специалистов по арестам и расстрелам -внутренне неприемлема.

С точки зрения деловой также не выдерживает критики. Проект показывать дел агентурных мы не можем – иначе с нас ответственность снимается за успешность борьбы. Тогда не надо ЧК, пусть будет передана вся борьба губюстам и НКЮсту, которые и будут нести ответственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.